

100 Рожева

Медленнее, ниже, нежнее...

Рассказы о мужчинах, людях и сексе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

100 Рожева

**Медленнее, ниже,
нежнее... Рассказы о
мужчинах, людях и сексе**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Рожева 1.

Медленнее, ниже, нежнее... Рассказы о мужчинах, людях и сексе /
1. Рожева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

«Медленнее, ниже, нежнее...» – полный антипод подтянутому «Быстрее, выше, сильнее!» и ближе автору как женщине в предклимактерическом возрасте, тяготеющей к узнаванию, а не завоеванию, процессу, а не результату, участию, а не победе. Женщине, неспешно нанизывающей на ленту повествования медали людских историй. Они играют на солнце интереса или тускнеют от невнимания, не делаясь от этого менее золотыми... Содержит нецензурную брань.

От автора

«Медленнее, ниже, нежнее...» – полный антипод подтянутому «Быстрее, выше, сильнее!» и ближе мне как женщине в предклимактерическом возрасте, тяготеющей к узнаванию, а не завоеванию, процессу, а не результату, участию, а не победе. Женщине, неспешно нанизывающей на ленту повествования медали людских историй. Они играют на солнце интереса или тускнеют от невнимания, не делаясь от этого менее золотыми...

100 Рожева

Полиглот

Я иду по пляжу с двумя сумками и лотком на ремнях. Море штормит, но людей много – лежат, сидят, играют, бегут босиком по песку, оставляя следы из пяти ямок и вмятины. Следы живут до следующей волны, захлёбываются пеной и тонут, но люди делают новые. Мои следы крупнее и глубже. На мне ботинки и обрезанные по колено джинсы. Я сам обрезал. Я все делаю сам. Я живу один. Женщина, которую я хочу, вряд ли захочет быть со мной. Каждый вечер она выходит из машины. Чтобы купить такую, мне надо работать восемь лет, семь месяцев и две недели. Это если цены не изменятся, и если не арендовать квартиру в дорогом районе, где живет она.

Я знал её еще девочкой. Резинки на её хвостиках всегда были в цвет платья. К голубому – голубые, к жёлтому – жёлтые, к розовому – розовые. Мне не нравятся другие женщины. Они лежат, раздвинув толстые или худые ноги и вывалив из купальников губы – волосатые, бритые, мясистые, тощие, надутые, сморщенные. Даже если я не смотрю им туда, я все равно это вижу. Они жуют, орут на детей и мужей, хохочут, визжат. Я не хочу ни одну из них. Я хочу ее... Она никогда не будет моей, я знаю это. Она выросла и носит шляпы. Всегда в цвет платьев. К красному – красная, к белому – белая, к желтому – соломенная. Она элегантно наклоняет голову, выходя из машины. Я живу в маленькой квартирке возле ее дома. Дорого и далеко до работы, но зато я каждый вечер вижу, как она наклоняет голову, выходя из машины...

На мне тоже соломенная шляпа. Без неё нельзя. Я провожу на солнце по восемь часов в день, на пяти языках предлагая напитки и мороженое. Иврит, русский, английский, французский и немецкий. На иврите и английском говорят все мои конкуренты, этим никого не удивить, а на трех других языках только я. Я сам выучил фразы. У меня две сумки и лоток на ремнях. Ремни давят шею, и сумки оттягивают руки, но я привык. Ко всему привыкаешь. Я знаю свой пляж как свои старые ботинки. От отеля Марина, где живут эти ненормальные, что лезут в воду в резиновых костюмах с привязанной к ноге доской и ничего не покупают – до длинного волнореза, где мало отелей и людей. Туда приходят старушки и пожилые пары, и они тоже не покупают, потому что в их клетчатых сумках всегда есть вода и еда. Я хожу туда и обратно целый день. Люди меняются, но люди не меняются. Лежат, сидят, гуляют, бегут по песку, оставляя следы, живущие до следующей волны.

Мой маршрут начинается от высокой стены отеля Марина, той, что с рисунками. Необыкновенными рисунками. Я знал художника, его звали Рами. Высушенный солнцем, нелюдимый, сутулый человек. Однажды утром на бетонной стене появились силуэты людей, оживлённые углём и мелом и синее море в цвет отеля Марина. В бетонной синеве резвятся нарисованные дети. Три девушки сидят на полотенцах, глядя в лестницу, ведущую к отелю. У них прямые спины и угольные волосы, а тела полны белой надежды. Полная дама на лежаке глядит сквозь

угольные очки на юношу, который смотрит ей между ног, в черный треугольник. Забелённая под обаяние похоть. Двое молодых людей лежат на песке, оглядывая мир, который пока принадлежит им. Над мусорным баком в форме дельфина – пожилая пара. Он, опираясь о палку, поднял ступню, а она вытаскивает из ступни занозу. Седая любовь, черная старость. Толстый разносчик напитков в шляпе, с лотком на ремнях и сумками тяжело опустился на колено перед покупательницей. Она держит белый рожок мороженого. Разносчик похож на моего друга Шимона. Такой же неуклюжий. Ниже, в углу, у самых тротуарных плит – худенькая белоснежная девочка завязывает волосы в хвостик. Я стараюсь не смотреть на неё. Но даже если я не смотрю, я все равно её вижу...

Нарисованные люди лучше настоящих, тех, что сутками торчат на пляже. Их тела живей, а чувства ярче. Не знаю, как Рами сумел это сделать. Он был гением. Он умер. Его нашли на песке возле моря ранним утром, когда песок еще совсем холодный. Говорят, он улыбался. Я видел след от его мёртвого тела, которое тащили к дороге. Длинный, извилистый след. Его затоптали пришедшие загорать к полудню, когда песок становится тёплым. Солнце одинаково равнодушно ко всем. Все едут к солнцу, все хотят пить, все хотят охладиться. У меня дешевле и я обслуживаю на русском, французском и немецком, не считая иврита и английского. Я не останусь без работы. У моего друга и основного конкурента Шимона такая же шляпа, такой же лоток на ремнях и такие же сумки. Но он говорит только на иврите и немного по-русски, и у него большой живот. Он идет медленнее меня. К тому же на него всегда лают собаки, и он обходит людей с собаками стороной.

«Лают, потому что я вкусный, а ты твердый и костлявый, Полиглот», – так он шутит.

Полиглот – моя кличка. Один русский как-то окликнул меня: «Эй, полиглот!» И кличка прилипла. Меня здесь все так называют. Я не обижаюсь. Мне даже нравится. Пусть себе.

Они продают вполонину от моего, так что волноваться не стоит...

Возлюби ближнего

Хорошо на даче летом! Воздух! Лес! Забор! Не то, чтобы я не люблю людей, но любить и природу и людей одновременно пока не выходит у меня. Все мы хотим жить среди людей, но без соседей, однако же, велено: «Возлюби ближнего своего», и дача – идеальный полигон для отработки в полевых условиях этого призыва, – думаю я, лёжа на нагретом солнцем деревянном помосте над собственным прудом. Пруд небольшой, но если плавать по кругу, можно даже устать и, раскинувшись на тёплых досках, щуриться в ослепительное небо. В солнечном сплетении ветвей распевают птички: «Тиу-тиу, тьфу-тьфу, тпренька, тиу-тиу!» Одна птичка поёт очень похоже на: «Тихо-тихо-так-так-себе!» И повторяет: «Тихо-тихо-так-так-себе!»

«Рр – рр – рр» – заглушает птичек бензокосилка. Это сосед напротив. Он приезжает три раза за лето, пробирается сквозь «траву по пояс» к сараю и косит прерывистым нажатием отвыкшего пальца на кнопку. То ли его палец устаёт держать кнопку, то ли он представляет себя едущим на мопеде по некошеному лугу, но звук получается именно такой: «рр – рр – рр». Вывалив живот, с красной спиной и в детской панамке, он машет бензиновой косой как моторизованный супруг старухи с аналогичным садовым инвентарем. Ну вот, затих – бензин кончился или косилка перегрелась, или супруга позвала чинить ступу. Снова тихо и солнечно. Птички поют на разные голоса, и картежница громче всех: «Тихо-тихо-так-так-себе!» А теперь просто: «Тихо-тихо-таак!» Выиграла, наверно.

«Никита-а!» – кричит соседка справа, за двадцатью метрами общего забора, за который она не собирается отдавать деньги. Никита это её сын. Здоровая ленивая детина девятнадцати лет, просыпающаяся к обеду и идущая курить за угол, чтобы мать не просекла. Просекаю я

– едкий дым не останавливают щели в заборе. Никита курит и кидает бычки напротив нашей калитки. Я всё собираюсь отогнать его оттуда, да не хочется ссориться с соседкой. В её версии он отличник, спортсмен и умница. Сбить её с этой темы можно только намёком на то, как нынче подорожали заборы. Тогда она убегает, вспомнив про бульон, варенье и молоко на плите.

Сын другой соседки, напротив, трудолюбив и воспитан. Не соседки напротив, а напротив, трудолюбив. Он сам пристроил к дому открытую веранду, где собираются его такие же воспитанные друзья. Вечером они делают музыку тише, чтобы не беспокоить соседей, и до четырёх утра не слышно совсем ничего, кроме: «унца-унца-дынс-дынс», легко распространяющегося по чистому воздуху и влажной ночной земле.

Зато отлично слышно соседей сзади. Пять лет назад они купили этот участок, перестроили дом, воздвигли сарай, баню, мастерскую и беседку, изменили земельный надел до неузнаваемости, но все пять лет от них доносится одно и то же: «Магадан потерянный рай – У Светки Соколовой день рождения – Мои мысли мои скакуны – О-о-о зеленоглазое такси – Не волнуйтесь тётя, дядя на работе – Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе – Малиновки слышав голосок – И поверженный в бою, я воскресну и спою...» Где они нашли радио Склероз FM – не знаю. На всех радиостанциях крутят одно и то же, но чтобы пять лет без изменений! Соседи любят эту музыку. Он – бывший военный, она – блондинка. Он зовет её «мамуля», хоть детей замечено не было, а она регулярно жжёт бытовые пластмассовые отходы возле нашего общего забора. Когда забора ещё не было, а была верёвочка, она положила нам на крыльцо записку: «Просьба соблюсти соосность при установке столбов». Образованная девушка. Еще бы сообщить ей, что черный дым от горящей пластмассы вреден для осветлённых волос, но полезен для раковых клеток. Все собираюсь сделать это, но не хочется портить отношения...

Вот опять начало музыкального круга: «Ма-гадан...» С ритмом песни сливается звук забиваемых свай. «Ма-гадан – Бум – Бум – запорошенный кра-ай – Бум – Бум». Это сосед слева. Он работает на стройке и производит строительные работы по всем правилам, с использованием спец техники: дизельным молотом забивает сваи под сарай, бетономешалкой бетонирует лавку и детские качели, подъёмным краном возводит полуторазтажную баню, которая висит окном на нашем общем заборе. Собирается ли голый строитель себя показать или людей посмотреть, пока не известно – баня не введена в эксплуатацию. Кран над ней застыл в долгострое, как на настоящей стройке – то ли водка кончилась, то ли крановщик...

– Мааам! А что это за грииб? – кричит ребёнок следующих соседей из-за пятнадцати метров общего забора, за который только обещано отдать.

– Поганка это, – тихо отвечаю я со своего помоста. – Что у вас ещё может расти, если на том месте, где росли белые грибы, вы вырубили весь лес и поставили туалет типа «вертикальный гроб», жизнеутверждающе прибив к нему скворечник. Хорошо бы научить этого скворца кричать целый день из круглой дырки: «Отдай за забор, сволочь!»

Все хочу это сделать, но не хочется портить отношения с людьми...

Певица Ротару голосом старушки-робота чеканит слог: «вот-и-лето-про-шло-слов-но-и-не-бы-ва-ло». Ей вторит женский визг и нетрезвый бас. У бывшего военного и блондинки гости. Как всегда по выходным. Они любят не только Склероз FM, но и гостей. В два часа ночи гости ещё ржут, а в восемь утра уже матерятся. Давно мечтаю положить им записку: «Просьба соблюсти соосность с режимом окружающих вас отдыхающих». Да не хочется ссориться с гостями соседей...

Ритм-группа забываемых к центру Земли свай замолчала – обед, наверно. «Ягода малина нас к себе манила...» – певица Легкоступова тяжёлой поступью идёт по ушам под звук двигаемого стола за общим забором с хорошими соседями. Тихие, интеллигентные люди. Руками таджиков тихо вырубали свой лес и разбили на его месте великолепную клумбу – флоксы, георгины, гладиолусы, розы всех сортов! Теперь, когда припекает солнышко, они двигают свой стол в тень наших ёлок, растущих у общего забора, потому как другой тени на их участке нет.

«Никита!» – позвала любящая мать.

«Рр – рр – рр», – поехал на косилке верный супруг.

«У Светки Соколовой день рожденья!», – заботливо подсказали сзади направление движения мототехники.

На мгновенье всё стихло, стало так тихо, что слышно птичку. «Тихо-тихо-так-так-себе!» – пошла на следующий кон бескорыстная певунья.

В синем небе завис серебряный беззвучный самолёт. А вдруг кто-то в самолёте сейчас смотрит вниз? Видит лес, крыши, прудик и меня? Я повернулась на 180 градусов, чтобы смотреть пилоту в глаза, и раскинулась звездой, чтобы завидовали, как хорошо я отдыхаю.

«Никита!» – закричали теперь за левой рукой. «Рр – рр – рр» – за головой, «Бум – Бум» – за правой ногой, и в районе талии: «Мааам! Он меня толкнул!» «А-а-а зеленоглазое такси», – загундосили сзади, «Бум – Бум» – в животе, нагретом вселюбящим июльским солнцем.

«Сябиямааамитялялёоо!» – зычно закричали между ног.

Это ещё что? Я привстала на локте. Грузовичок с загорелыми мужчинами громыхал металлом на дороге. А, собираем металлолом, – догадалась я.

Где-то читала, что в среде французских аристократов было принято учить детей русскому языку, он-де настолько сложен, что формирует нестандартное мышление и отлично развивает мозги. Почему он отлынивает от этих обязанностей у себя на родине? Мысль заставила меня застыть в вопросительной позе под Библейской глубиной неба с восклицательным знаком самолёта.

Кто-то в самолёте смотрел вниз. Видел лес, цветные крыши, сверкающий прудик, добрую меня на дощатом помосте, и думал с любовью ко всему сушему: «Как же хорошо!..»

Полегчало

Моя подруга сделала аборт. Не настоящий, таблетками, но переживания были самые настоящие. Она мучилась. И вроде плюсы этого решения на той половине листка, где плюсы, перегнали команду минусов втрое, но подруга редела, повторяя в телефон один и тот же вопрос каждые полчаса: «Я ведь правильно сделала? Ну, скажи-и-и...» Мои такие же одинаковые подбадривающие ответы занимали оставшиеся полчаса. Таким образом, мы с ней были заняты целый день. Ей было очень больно, а я очень хотела помочь, поэтому предложила первое, что пришло бы в любую голову:

– Давай сходим в церковь? За очищением. Я не знаю, что надо делать, но там, наверное, подскажут...

– Да! Да! Давай! – всхлипнула подруга. – Я сама уже об этом думала. Но только я ничего говорить не буду! Я не смогу...

– Хорошо. Я скажу, что это я, а ты послушаешь...

Мы выбрали маленькую деревянную церквушку на отшибе, чтобы поменьше народу и зашли. Внутри действительно никого не было, кроме немолодой женщины в платке, спящей на кулаке за небольшим столом. Подруга, завернувшись в темный платок, прошла вперед, а я осторожно тряснула столик. Женщина подняла заспанное лицо с пористым носом и редкими волосками на подбородке.

– Вы что-то хотели?

– С кем тут можно посоветоваться?

– Со мной, со мной, – охотно ответила она. – Что случилось?

– Понимаете... я как бы это сказать... избавилась от беременности... сделала...

– Аборт, аборт! – с готовностью подсказала женщина.

– Ну не совсем... там таблетки... ну в общем, да. Очень переживаю. Вот что надо делать?

Подскажите, пожалуйста...

– Понимаю, понимаю! – закивала женщина. – Это тебе к святой Матроне надо!

– А где она?

– Воон иконка! – она махнула рукой в растянutom рукаве.

– Которая? Там много. Я не знаю...

– Да вон же! – женщина неуклюже выбралась из-за столика. – Пойдем, пойдем, покажу.

Она подвела меня к изображению печального затертого лика.

– Вот она, Матронушка наша! – дотронулась женщина до позолоченной рамы и вдруг разинула в улыбке страшный рот, в котором не хватало почти всех верхних зубов и который больше походил на лаз в пещеру ужасов.

– И что надо делать? – спросила я, заставляя себя не смотреть ей в рот.

– А ничего не надо! Пстой рядышком, скажи про себя: «Прости мою душу грешную»
И все. Она простит, заступница наша!

– А свечку не надо ставить?

– Какую ж свечку-то? За здоровье – так не родился, а за упокой – так не помер же! А можно и за упокой, лишнее не будет. Была ж душа то... – она с пониманием покачала головой.

Я видела, как дрогнули плечи подруги. У меня тоже потекли слезы.

– Ой, да что ты, что ты! – замахала рукой женщина. – Грех конечно, да кто их считает, грехи-то наши! Я сама уж сколько раз! Да не от одного, от разных! Прости мою душу грешную! А к Матроне – то приду, прости, Матронушка, и сразу легче станет!

Она рассматривала меня круглыми глазами с нехорошим желтоватым светом. Ее радостно разинутый полупустой рот так и приковывал взгляд. Я невольно сделала шаг ближе. Из рта донеслось зловонье. А ведь она должна сильно шепелявить с таким стоматологическим дефектом! Почему она не шепелявит?!? – вдруг подумала я и отшатнулась.

– А лучше все же к бабушке! – пошла на меня женщина, снова сокращая расстояние. – Очень хороший бабушка у нас! Отец Виталий. Молодой! Красивый! Высокий! Ох! В службу – то подойдешь, шепнешь ему на ушко, он все, что надо сделает! – она подошла совсем близко, и мне стало жутко.

– Спасибо, я все поняла, спасибо... – все свои силы я потратила на несколько шагов назад.

– А будете выходить – молитвенничек возьмите, – напутствовала вслед женщина, продолжая улыбаться. – Очень хороший. Пятьсот рублей всего!

– Пятьсот? А дешевле есть?

– Есть, есть. За двести есть, за сто есть. Но за пятьсот он полней, там на всякий-всякий случай! Мало ли чего еще приключится. Человек слаб...

Я схватила подругу за руку, и мы быстро вышли из церкви. Подруга молчала.

– Ты все слышала? – спросила я.

– Все.

– Полегчало?

– Не знаю...

– Слушай, может, я съела на завтрак просроченный творожок, но мне показалось, что я сейчас поболтала с дьяволом. Он подрабатывает в церкви небритой беззубой женщиной!

Подруга рассмеялась. Смех перешел в истерику, истерика в рыдание, рыдание снова в смех...

– Теперь точно полегчало! – всхлипнула она последний раз, и тихо, просветленно улыбнулась.

Педикюр

Цвет педикюра соответствует ее утреннему настроению – страсть, но буржуазная, немного крови, но венозной, не артериальной. Этот оттенок сдержанного пурпура встречается у Босха и Дали. У гениев обостренный цветовой «слух». Цвет это формат эмоций, партитура, если угодно. «Если угодно» звучит в ее голове с интонацией знакомого нищего художника, записавшего себя в таланты, и, видимо, на этом основании вступающего с ней в бессмысленные экзистенциальные споры. Забавным оборотом «если угодно» он пытался придать весомости себе и аргументам, при этом так беспомощно вскидывал немытую голову, что лишь перекрасил в свою интонацию старый оборот речи. Неуспешный мужчина не имеет права на безапелляционное высказывание собственного мнения. Сначала приложи усилия, чтобы что-то представлять, а потом открывай рот. И это тоже форма – этическая, социальная. Форма должна быть во всем, ибо она и есть суть гармонии...

Победив в мысленном монологе, она опускает взор к своим туфлям с приоткрытыми пальцами и прямоугольниками ярких ноготков, слегка скругленных по линии кутикулы. Сланцы, в которых здесь ходят все без исключения, ужасны. Пальцы плющатся, словно выдавленные краски. Растянутые майки не менее отвратительны. Обувь и одежда должны придавать форму. Форма это... а впрочем, эта мысль уже сформулирована.

В том месте, где теплый асфальт утыкается в прохладные плиты, она сворачивает в уютную тень кафе: десяток мозаичных столиков под заштопанной солнцем крышей. Та же штюпка в высветленных дредах бармена – высоком парне в мешке «майка-джинсы». Голубая слюда его глаз взята из мозаики столешниц. Блеснув лазурью, он приносит латте в чашке с блюдцем, белоснежном в его загорелых пальцах.

– Your coffee, Madam!

Восточная мелодия извивает молочную виньетку кофе, копируя его дреды. Солнечные пальцы блуждают по цветным клавишам мозаик, зажигают их, не дотрагиваясь. Где-то за плетённой бамбуковой прохладой – море, замершее еле уловимым соленым ароматом. «Мадам» целует молочную пену кофейно-морского коктейля.

Сердитый араб вталкивает в кафе негритянку, похожую на начатую плитку шоколада. Краски ее цветастого платья блекнут в прохладе тени. Она упихивается в кресло за единственным здесь большим овальным столом и сливается с неподвижностью воздуха.

«Мадам» ставит чашку в блюдце. Виньетка томно выгибает спину, не подозревая о смерти на фарфоровой стенке.

Возникшая из тени филлипинка в застиранной зеленой юбке кивает негритянке и усаживается рядом с ней. Солнечные пальцы вышивают на лицах женщин оживление при появлении еще двух – толстой, в шортах, и в сарафане, с обвисшей грудью, вплетая их в общую картину овального ожидания. За девушкой в джинсах и желтой заколке входит дама в натянута на растекшейся груди фиолетовой майке и профессиональной улыбке.

– Good morning, ladies! – поставленным голосом произносит дама, садясь с крутой стороны овала.

Женщины роются в сумках, извлекая блокноты и ручки. Фиолетовая диктует названия цветов, словно считывая их вокруг себя: «Red, yellow, orange, green, blue, pink...» Нестройный хор повторяет.

Прохладный латте с податливо изогнувшейся виньеткой не спасает «мадам» от раздражения дюжиной ног в сланцах, оккупирующих ее пространство гармонии, словно варвары цветущую страну. Еще одна пара ног в этом шлепающем уродстве приближается к ее столику.

– Anything else? – склоняется над ней бармен, небесно подмигнув.

– Что здесь происходит!? – спрашивает она, кивнув на женский хор, и дублирует вопрос по-английски, брезгливо дернув плечом.

– Курсы «Английский для прислуги», – отвечает парень.

– Ты говоришь по-русски? Откуда? – она приподнимает удивленную бровь.

– Были курсы «русский для барменов», – смеется парень.

– Серьезно?

– Шучу. Бабушка из России.

Его выгоревшая майка и дреды выгодно оттеняют голубизну глаз и легкий румянец на скулах. Она задумывается о сочетании этих цветов на живом лице, при том, что на холсте они бы не смотрелись так гармонично.

Подчиняясь ее взгляду, парень садится рядом. Солнечные пальцы ласкают его загорелую кожу с почти детским пушком и принт на майке, висящей на ключицах. Ее раздражает не столько отсутствие в нем какой-либо формы, сколько его неформатная молодость. Они почти ровесники, но она старше не на несколько лет, а на целую жизнь, на тот опыт измены себе, что вырывает из детства навсегда...

– Тебе можно сидеть с посетителями? – тоном замечания спрашивает она.

– Мне всё можно! Я тут один за всех! И в баре, и официант, и товар принимаю и полую, когда уборщицы нет. Где они еще такого ловкого парня найдут? И потом, нет же никого, кроме этих курсов!

– Здесь всегда так?

– Ну да! – лазурь его глаз смеется вместе с ним. – Утром и вечером только народ бывает, днем пусто! Поэтому курсы пустили. Надо же денежку зарабатывать. Мы от моря далеко, зато и аренда намного меньше!

Он выпрыгивает из кресла, мелькнув худыми локтями и, поколдовав в тёмном баре, ставит две чашки латте с виньетками в виде сердечек.

– Подарок от заведения!

– Благодарю, – она этикетно улыбается, качнув туфлей. Вспыхнувший на солнце лак педикюра захватывает его взгляд. Лучи взбивают искристую пену до искренности.

– Ты пойдешь сегодня на море? – он переводит взгляд с ее ног на большую грудь, фантастичную на стройном теле, и к глазам, манящим строгостью.

– Наверно... – небрежно отвечает она.

– Хочешь, пойдём вместе?

– Знаешь... я не очень люблю таких... – она делает улыбку милой, но глаза правдивей.

– Таких как я? – договаривает он.

– Не обижайся. Да.

– Можно узнать, почему?

– Это долго объяснять... – движение плеч подчеркивает бессмысленность формулировок.

– И все-таки?

– Твои дреды, так они, кажется, называются...

– А что с ними? – тянет он себя за косичку.

– Их же, вроде, мыть нельзя.

– Понюхай! – наклоняет он голову.

Она осторожно втягивает воздух.

– Пахнет приятно...

– Я мою голову каждый день! – улыбается он по-детски безобидно. – Так ты пойдешь со мной?

– Ок...

Задорная голубизна его глаз плавится синевой надежды. Он ерзает в кресле, словно на волнах.

– Ты катаешься на скимборде?

– На чем?

– На доске!

– Нет...

– Хочешь, научу?

– Я предпочитаю смотреть на море.

– Значит, будем смотреть вместе! Я буду ждать тебя здесь...

Она заглядывает в кафе, когда солнце уже думает о закате. Посетителей, по-прежнему, нет. Пусто и за овальным столом. Нагретый воздух сдвинул плетёную тень против часовой стрелки, словно не желая убивать этот день. Утро лишь в дредах бармена, колдующего за стойкой. Он улыбается, увидев ее:

– О, классно, что ты пришла! Чего тебе взять? – в его пальцах банки: кола, пепси, энергетик, что-то зеленое.

– Ничего. Я такое не пью. Ты идешь? Или я иду одна! – торопит она.

Они шагают по разомлевшему асфальту, она – в туфлях с приоткрытыми пальцами, он – в сланцах. В том месте, где асфальт отдается песку, она переобувается в босоножки, оплетающие ступни белым шнуром, и прячет туфли в пляжную сумку. Он любит, как она ступает по песку на своих белых лапах с алыми коготками.

– Давай сумку, – протягивает он руку.

– Только на песок не ставь. Это очень дорогая сумка, – предупреждает она.

– Я буду держать ее в зубах, – блестит он синевой глаз из самой глубины.

Она дарит ему улыбку, от которой, знает, мужчины без ума.

Он балансирует в море на доске, она смотрит вдаль, зарыв в песок узкие ступни. Ее взгляд скользит по его прилипшим к бедрам шортам, худой спине, мокрым дредам. Плавными движениями ног она насыпает холмик, устраивает на нем щиколотки так, чтобы солнце выгодно освещало педикюр и гладкую кожу, а между ступнями оказался серфингист, и делает селфи своих ног. Идея не нова, но форма креативна, даже концептуальна, если угодно. Опять эта фраза... Она досадливо хмурится, не замечая подошедшего парня. Несуразно длинная тень его тела подкрадывается к ее песочному холмику. Она рушит его одним движением и встает:

– Я хочу пройтись. Возьми сумку.

Его тень накрывает след от ее тела на песке, идеальной формы, как и все в ней, и застывает на миг, замечтавшись.

Они идут вдоль закатного моря, и он рассказывает о том, что собирается учиться на юриста, чтобы помогать отцу в бизнесе, который перейдет ему по наследству, но вообще-то ему ближе музыка и он надеется это как-то совмещать...

Она перебивает на полуслове:

– Вот тот мужчина очень богат, – кивает она в сторону стоящего на пляже человека.

– Ты, что, его знаешь?

Она отрицательно качает головой.

– А как ты определила? Он же голый! В одних трусах!

– Это трусы «Армани», и видно, что их у него еще штук пятьдесят, – снисходительно бросает она, вернув грациозность походке и кокетство взгляду.

Мужчина в трусах «Армани» провожает взглядом девушку с явно сделанной грудью и худого парня с дредами и женской сумкой.

Девушка красиво поворачивает голову, дав ветру поиграть с ее волосами.

Возле волнореза, выброшенного на берег, словно мертвый кит, они поворачивают обратно.

«Богатый» стоит на том же месте, рассеянно глядя в море на ныряющего мальчика. Толстая негритянка в цветном балахоне по подол в воде с жутким акцентом уговаривает ребенка перестать, но он не обращает на нее внимания.

– Надо было глаголы учить, а не цвета, – зло смеется девушка, ища глазами взгляд мужчины в трусах.

– Это другая тетя, не та, что на курсах была, – смеется в ответ парень.

– Какая разница...

– Я провожу тебя? – спрашивает он на последней ступени лестницы, уводящей от моря.

– Как хочешь.

Она аккуратно отрясает с ног песок, который кажется снегом, присыпавшем спелые ягоды педикюра, и ступает на асфальт, не переодев босоножек. Его сланцы шлепают чуть позади. Возле виллы за высоким забором он берет сумку за обе ручки, словно ее саму за руки.

– Ты придешь завтра утром пить кофе?

– Утром придет маникюрша, потом массажист.

– А потом?

– Потом у меня этюды, я буду занята.

– Ты художница? Супер! А в каком стиле ты пишешь?

– По настроению.

– А мне нравятся французские импрессионисты. Впечатление – это ведь единственное, что остается, верно?

– Они всем нравятся. Просто поголовно – любимый художник Моне, ну, или Мане, писатель Достоевский, и композитор Бетховен.

– А ты в России на Рублевке, наверно, живешь? – он отводит глаза с отраженным в них серым забором.

– Нет, не на Рублевке. Спасибо, что проводил, – она забирает сумку и уходит, не обернувшись, туда, где дверь с кодовым замком преграждает путь остывшему асфальту.

В сумраке пурпур педикюра превращается в капли запекшейся крови, разлетающиеся от ее шагов по дорожке из розового туфа.

Да! Пинк! Глупый, женственный розовый, столь привлекательный для мужчин в трусах «Армани»... – окончательно решает она вопрос о цвете завтрашнего педикюра.

Половой акт

«Успел!» – мелькнула в нем удовлетворённая мысль. Он кончил в руку, чмокнул даму, и, зажав член рукой, пошёл в душ. Не успел он всего два раза в жизни. Первый раз с женой и родился сын, второй раз с любовницей, и они расстались. И то и другое было прилично тому. Самообладание его больше не подводило, но каждый раз, успевая вынуть за доли секунд до эякуляции, он чувствовал дополнительное удовлетворение. Неплохо для пятидесяти пяти. Он в хорошей форме. Два раза в неделю бассейн, раз в полгода проверка всего организма в обязательном порядке, регулярная половая жизнь. С любовницами только не везёт последнее время. Меркантильные какие-то попадают. Даст пару раз и начинается – туфелек нет, сумки нет, платье надо, машина сломалась... Раньше бабы не опускались до такой мелочности. Или он был бедней и проще? А сейчас оценивают сразу его машину, телефон, часы, – прикидывают, что почём. И не то, чтобы он против купить что-то женщине, но когда это цель...

Он поднял крышку унитаза и вспомнил, что в багажнике еще остались коробки с товаром. По своим областным магазинам он сам развозит товар, все равно ведь ездит, а без призора нельзя. Директора у него все грамотные, тёртые, сам подбирал, с пристрастием. Есть даже дама доктор наук, бывшая депутат местного совета, со всеми сильными «наты» в своём районе. В своё время большой бизнес на себе перла. Сломалась. Больной ребёнок и муж-тряпка, еще и запил. Добили. Да и не женское это дело – серьёзный бизнес. Ну, не попрёшь против природы, чего бы там феминистки не верещали...

Он стряс последнюю каплю с члена и шагнул в кабинку душа. Вода нагревалась медленно, и он успел подумать о сыне, который должен завтра вернуться из экспедиции. Не замёрз он там? Сын организует охоту для состоятельных людей. Подолгу бывает в горах-лесах, и зимой и летом. Но он молодец! Нашел «своё», сам, и тащит. Мужик!

Он вытерся белым гостиничным полотенцем, рукой расправил и надел сплюснутые одноразовые тапки, глянул в зеркало: хорош еще! Как же, хорош, хлопнул он себе по лбу, мирамистин-то забыл! Расслабился. Приятная женщина, вот и забыл. Он снова встал над унитазом, и стал щедро поливать мирамистином головку члена, сдвигая крайнюю плоть.

Женщина лежала на кровати и ждала, пока освободится душ. Секс с этим мужчиной, ей, в общем, нравился. Для пятидесяти пяти – прекрасная потенция. Но голову точила мысль о зря потерянном времени. Пока перекусили, пока приехали, пока здесь – полдня прошло. Она бы за это время кучу всего могла сделать, а эти пару оргазмов сама бы себе организовала, не выходя из дома. Можно было бы встретиться с подругой, они давно не виделись. Нет, лучше было бы сходить в магазин – сегодня последний день распродажи. Она могла бы поработать, в конце концов! И не в конце концов, а в конце месяца сдавать проект, а уже четырнадцатое! А она... как какая-то дешёвая шлюха трахается с очередным претендентом в любовники в безвкусном номере а-ля Людовик Четырнадцатый эпохи перестройки. Но... с другой стороны, и секс тоже нужен... Нельзя же все время мастурбировать...

«Трахаться хочу до изнеможения!» – шепнул ей этот претендент перед дверью номера. И этому невдомёк, что ей нужен любовник, а не трахарь! Любовник от слова любовь, а любовь – это забота, понимание, участие, прежде всего, а не звонок в удобное время – ну что, красота, пошли ипаца!

Он завернул полотенце на бёдрах и вышел из душа, довольно улыбнулся, глядя, как она расслабленно лежит на постели.

– Жива? – спросил он.

– Да... я сейчас, – она улыбнулась в ответ, красиво поднялась, и направилась в душ.

Он нашарил пульт и включил телевизор. В номере а-ля Людовик Четырнадцатый раздались выстрелы.

– О, нет! Только не это! – выглянула она из душа. – Выключи!

– Как скажешь, дорогая, – сказал он, и убрал звук, продолжив читать ползущие титры о жертвах на Донбассе.

Опуская унитазный круг, она вспомнила американского джазового пианиста. На концерт пошла одна, наградив себя за одиночество местом в партере, но музыки не слышала. Джазовые ритмы были лишь фоном для длинных подвижных пальцев, танцующих кудрей и влюбленных глаз пианиста. Он опускал крышку пианино всякий раз, когда заканчивался его номер, возвращался на сцену под аплодисменты, открывал крышку как в первый раз и нежно трогал пальцами клавиши... Интересно, он тоже трахает баб в отелях, между актами включая какой-нибудь CNN? Нет... только не он... Она плавилась возбуждением, представляя, как задержится после концерта, как подойдёт к нему и просто признается на своем железобетонном

советском английском, что очень возбуждена... Дальше фантазия не шла, наверно потому, что фантазия не умеет настолько отрываться от жизни...

Пальцами в прохладном мирамистине она словно перебирала клавиши, параллельно думая о том, что с презервативом все же меньше проблем. Но этот претендент «резину» не признавал.

В белом гостиничном полотенце она вернулась к мужчине, лежащему на кровати. Он, в очках на напряжённом лице читал телевизор.

– Я же сказала выключить! – разозлилась она.

– Но там же... – начал он, но осёкся, дёрнул вытянутой рукой с пультом, как выстрелил. – Ну, что, красота, на посошок? – он обнял ее за бедра и притянул к себе.

Она улыбнулась и незаметно вздохнула...

Одноклассник

Лёша Теплов был выдающимся учеником. Не заметить его в классе было трудно, разойтись с ним в дверях – невозможно. Он был толстым. В начальных классах – румяным колобком, в старших – калорийным батоном. Его дразнили обидными прозвищами, но он никогда не отвечал, молча собирая обиды в копилки своих маленьких глазок. Когда главный зачинщик издевательств сломал обе ноги, упав с гаражей и отстав на год, «отстали» и другие. Сохранилась лишь кличка «Теплуха».

Теплуха был нужным и даже общественно полезным. Самостоятельная по биологии? Спиши у Теплухи! Чем в классе воняет? Теплуха воздух испортил! Сколько надо водки на «Последний звонок»? Если поить Теплуху – разориться можно!

Вечный безнаказанный повод для шуток – незаменимый человек в классе. Что сам он думал об этом – никто никогда не спрашивал.

Перед «Последним звонком» мы с подругой делали стенгазету. Фото первоклашки – цветочки, тетрадки, кораблики как символы предстоящего жизненного плавания – фото выпускника. И так – все двадцать восемь физиономий одноклассников. Плюс стихи, обещания, благодарности. Для стенгазеты Теплуха сдал три фотографии. Он, метр в диаметре, с букетом гладиолусов; он, полтора метра, с гвоздичкой; и он, без цветов, примерно метр семьдесят.

«Гляди, как прикольно, – заметила подруга, рассматривая снимки. – Все пацаны повзрослели: были малышами, стали парнями, а Теплуха просто укрупнился...»

В праздничный день мы пришли в школу заранее, чтобы наклеить стенгазету на стенд. На ступеньках одиноко курил Теплуха. Всё его сдобное тело, плохо сдерживаемое тесноватой школьной формой, вываливалось из общего настроения прощания с «альма-матерью». Спелые плоды теплухиных щёк розовели на плодоножке воротничка, маленькие глазки светились радостью.

– Теплуха, ты чего такой довольный? Праздник-то грустный, прощание со школой! Или ты уже мечтаешь влезть в джинсы? А влезешь? – привычно пошутила подруга.

К нашему удивлению Теплуха не промолчал, а выпустив из розового носа облачко дыма, мечтательно изрёк:

– Не вижу ничего грустного в окончании школы! На десять лет ближе к смерти!

Мы недоуменно переглянулись, и, списав теплухину неадекватность на излишек калорий в его организме и недостаток общения со сверстниками, направились в актальный зал.

Пыльные лучи перечеркивали крест на крест цветы, шары и лица, и всю школьную жизнь, высвечивая табличку «Выход» над дверями. Освобожденная акустика издевалась над словами. «Дорогие ребята!» переделывались в «Ги-гие-ебя-бя та». Слезы радости смешивались со слезами грусти, «капиталистический» парфюм с неприкосновенным советским запахом туалетной воды, а прошлое с будущим.

Довольный шар Теплухинской головы пару раз мелькнул в толпе и скрылся из виду, казалось, навсегда...

Прошло десять лет. Размеренный телевизионный бубнёж заставил меня повернуть голову к экрану на фразу: «...к сожалению, природа устроена так, что уже после тридцати – тридцати пяти лет в организме женщины включается механизм уничтожения. Природе она уже не нужна. Женский организм стремительно стареет и умирает. Наши препараты умеют эти процессы не просто замедлять, а практически останавливать...»

На экране Лёша Теплов, ничуть не изменившийся с «Последнего звонка», впаривал миллионам телезрителей какие-то пилюли. Однако всплывшая под его спелой головой на плодоножке воротничка надпись содержала совсем другие имя и фамилию.

Судорожными движениями я набрала школьную подругу:

– Ящик включи! «Домашний!» Кого ты видишь?

– Теплуха... – оторопело отозвалась подруга. – Нифига себе! Вообще не изменился! А говорят – худеть полезно. Во – рецепт вечной молодости! Толстей и молодых!

– Это не он! Там другие имя и фамилия! – выкрикнула я.

– Да ладно! Что я Теплуху не помню! Мы ж на соседних партах пять лет просидели! Я его выучила так! Мы даже фотками обменялись!

– Ты с ним? Зачем?

– Не знаю... Он попросил мои фотографии, те, что со стенгазеты, помнишь? Может, я ему нравилась! Он же все-таки парень...

«В нашей студии был Даниил Витальевич Нагорный, президент фарм ассоциации, директор института» – сказали в телевизоре.

– Ну... бывают же похожие люди... – растерянно проговорила подруга. – Слушай, кстати, по поводу омоложения. Мне тут сертификат подарили в салон красоты, а я не смогу в этот день, хочешь сходить? Это бесплатно. Чего-то там с лицом делают волшебное, мне сказали...

В салоне красоты рябило в глазах от услужливых девушек. Одна из них подхватила меня и через минуту уже творила чудеса омоложения с моим лицом, верней, с половиной лица. Чтобы сравнить помолодевшую половину лица со старой, нужно всего лишь приобрести чемодан с косметической продукцией, приготовленный специально для меня. Если необходимой суммы нет с собой, можно в рассрочку, а если ее нет вообще, можно сейчас же оформить кредит. Нужен только паспорт и несколько минут времени! И после этого обе половины моего нового старого лица не узнают друг друга! Что вы, что вы! Никуда ходить не надо! Все документы уже готовы! Через минуту они будут у вас! Надо только подписать...

Старую половину моего лица скривило согласием.

Девушка выхватила мой паспорт и умчалась, оставив меня в косметическом кабинете наедине с фотографией успешной дамы. Спелые щеки на плодоножке шеи в ожерелье бус и копилки с обидами вместо глаз кого-то уж очень напоминали... Теплуха...! После операции по смене пола, ну или его сестра-близнец...

– Все для вас готово! Сейчас подпишем договорчик и доделаем Ваше личико! – защебетала вернувшаяся девушка и зашелестела бумагами.

– А кто эта дама на фото? – спросила я.

– Это известная актриса Алёна Фёклова! Она пользуется нашей косметикой, и поэтому так прекрасно выглядит! Ей ведь уже за пятьдесят! Ни за что не дать, правда?

Мы с Фёкловой недоверчиво посмотрели друг на друга.

«Подписывай договор!» – шевельнулись ее надутые губы на фотографии. Я похолодела. Девушка улыбнулась и подсунула бумаги.

– Вот здесь и вот здесь, – с фальшивой любезностью произнесла она, тронув кровавым маникюром две пока пустые линии.

В дверь всунулась голова с рогами, оказавшимися кончиками повязки для волос.

– Ну как у тебя? – спросила рогатая голова девушку и улыбнулась мне.

– Уже подписываем, – отчиталась девушка, плотоядно облизнувшись.

– Я в туалет, – поднялась я, стараясь не выдать себя.

– Подпишите и пойдете! – зловеще пригрозила девушка, не переставая улыбаться.

– Извините, мне надо срочно! – сконфузилась я.

– Жду Вас! – с напряженной улыбкой сказала девушка.

Преодолевая какое-то неведомое сопротивление, я быстро прошла по коридору и бегом спустилась по лестнице, вдоль портретов актрисы Алёны Фёкловой, сверлящей меня обидчивыми глазками, но уже не способной остановить...

Рассказывать о своей паранойе подруге я не стала.

Через время она позвонила сама.

– Рен ТВ включи быстрее! – испуганно сказала подруга.

– А чего там?

– Раду их хохляцкую показывают. Смотри, кто выступает?

Я вгляделась в круглое лицо выступавшего с трибуны и села на стол...

– Теплуха...

– Значит, не кажется... – обреченно произнесла подруга. – Это какой-то то ли Ищенко, то ли Мищенко. Или я с ума сошла, или где-то делают теплухиных клонов...

– Не, с ума поодиночке сходят... – изрекла я незыблемую истину.

В интернете я нашла этого персонажа «хохляцкой рады» и его рассуждения о том, что укроп изобрели укры, и все, кто ест его без сала – подлежит уничтожению. В выражениях персонаж не стеснялся и словами «смерть», «убить», «уничтожить» оперировал легко и привычно. Различные ракурсы его лица и туловища лишь укрепляли уверенность в том, что это наш одноклассник Лёша Теплов. Или, во всяком случае, его клон – укр.

На всякий случай я забила в телефон номер психиатрической помощи.

Вскоре у моей дочери был «Последний звонок». Дочь подвела меня к огромной школьной стенгазете.

– Мам, смотри, как придумали! Собрали фотки со всех – детские и сечашные, и рядом наклеили – типа какой был и какой стал. Прикольно, правда? Смотри, какие пацаны были смешные маленькие...

Из самого центра стенгазеты на меня смотрели три знакомые фотографии Лёши Теплова, только цветные: он, метр в диаметре, с букетом гладиолусов; он, полтора метра, с гвоздикой; и он, без цветов, метр семьдесят.

– А кто этот мальчик? – осторожно спросила я дочь.

– Этот? Наш одноклассник, Дима Прошин.

– Почему я раньше его не видела? И родителей его тоже?

– А он к нам недавно перешел. Ну, мы его в газету вставили, чтобы не обижался. Он, кстати, у меня фотки попросил. Я предложила сфоткаться вместе, а он сказал, что хочет именно эти, детские. Странно, правда? Я имею успех у толстых! – закатила дочь глаза.

У меня похолодели спина и ладони, и отнялись ноги. Прошлое столкнулось с будущим, а ужас с радостью от догадки!

– Ты уже отдала ему фотографии? – спросила я дочь, опустившись на подоконник.

– Нет еще, только обещала...

– И не давай!!! Никогда!!! Ни при каких обстоятельствах!!! – крикнула я, тряхнув дочь за плечи.

– Почему? Мам, что с тобой?

– Щас объясню...

Я судорожно набирала номер подруги, чтобы сказать, что, кажется, я знаю рецепт избавления от нашей паранойи...

Симфония

Шторы цвета пыльной морской волны бьют в затёртую сцену. Затёртость лысей к зрительному залу, где топчутся в поклонах, и справа, куда ушаркивают в дверь «Служебный выход» музыканты, распределённые по абонементам классической музыки. Владельцы абонементов заполняют «слушательный» зал. Легкий бриз предвкушения волнует шторы. Именно шторы, а не театральные кулисы, ибо музыка здесь штормит, и люди кричат друг другу: «Што?!»

– Што сегодня? – спрашивает сзади расслабленный тенор.

– Господи, какая тебе разница! Все равно заснёшь через пять минут! – отвечает раздражённое контральто.

– А вот как раз сегодня собирался послушать! – перечит тенор. – Вечно ты крылья обрубаешь! Что ты за человек!

Следует вздох, удар сиденья по спинке кресла, скрип усаживания, и примирительный дуэт женского и мужского: «Водички дать?» – «Давай». Через паузу вступает детский дискант:

– Мам, а когда начнётся?

– Ну, что ты за ребёнок! – повышает тон раздражённое контральто. – Когда поедем, когда приедем, когда начнётся, когда закончится! Когда все соберутся, тогда и начнётся! Видишь, ещё не все пришли! Водички хочешь?

– Не хочу...

Третий звонок накрывает зал последним всплеском шарканья, ёрзанья и громыхания под гаснущими люстрами. Волны пыльных штор расступаются, являя симфонический оркестр, выброшенный в полном составе на дощатую сцену. По лысому следу, от двери «Служебный выход» к середине выцокивает «директор дома культуры» в бархатном парео, заколотом на плече брошью с затонувшего пиратского фрегата. Солнечно улыбнувшись, она объявляет штормовое музыкальное предупреждение и дату следующего концерта, и уцокивает обратно в свою служебно-выходную бухту.

На сцену врывается свет. Его вдыхают одновременно сто гребцов – музыкантов, и корабль симфонии, содрогнувшись, трогает с места.

Дирижёр размахивает руками, словно балансируя на шатком капитанском мостике. Поймав равновесие, он обращает приглашающие жесты к скрипичной группе, сидящей справа от него рядами по двое с вёслами-смычками в руках и одним пюпитром на двоих.

Пара первая – мужчина и женщина: строгая дама в очках, причёске «ответственный работник», чёрных лодочках и платье-футляре, и лысеющий, в близоруких линзах, счастливый муж – судя по обречённости, с которой он перелистывает страницы партитуры, словно совместно прожитые годы. Она – педантично смотрит в ноты, он – знает это всё и так...

Вторым рядом – двое мужчин. Первый – лауреат «многочисленных» конкурсов с волосями, наливанными на выдающийся череп, бабочкой и стрелками брюк, метящими в носы лаковых туфель. Когда партитура разрешает, он отстукивает на грифе скрипки далёкие ритмы, до которых долетела бы его бабочка, не будь костюма и туфель. Второй – бетховенский профиль на тонких, широко расставленных ногах «кузнечика, сидящего в траве», в таких же лаковых туфлях как у брата – одноотника, примерно 43-го размера. Случись шторм свободы, эти блестящие остроносые каравеллы под парусами брюк ринутся прочь, их держат лишь рамки планового концерта абонемена № 6.

Третьим рядом – любительница сдобы и рюшей, засыпающая в конце каждого нотного рецепта. Она елозит по скрипке пухлой рукой в браслете, пережимающем запястье как верёвка сардельку. До пенсии десяток концертов, и, наконец, на дачу, к розам и редиске. В паре с ней – «физик», улыбающийся пробором и хитрой бородкой собственным мыслям, не указанным в нотах великого композитора.

Замыкающая пара – две вчерашние ученицы в кружевах и пластиковых заколках на прилежных головках, не отрывающихся от нот, с одной мечтой на двоих – выбиться в «первые скрипки».

Первая скрипка – красивая, отдохнувшая, с высоким хвостом, в длинном платье с открытыми загорелыми плечами, параллельными её личному пюпитру. При взгляде на неё у дирижёра приподнимаются фалды фрака.

«И-и-и» – взмахивает она ресницами и смычком. «Да-а-а» – склоняет голову дирижёр, и корабельный барабанщик объявляет её очередную победу звоном золотых медалей-тарелок.

В заключительный мажорный гребок симфонии впрягаются все музыканты, кроме первой скрипки. Она неподвижна, словно богиня на носу корабля, обдуваемая ветрами надежд, с горящими от перспектив глазами. Дирижер оргазмирует в гармонических конвульсиях, а она благосклонно принимает дань своей красоте...

Овации длятся ровно три минуты, как и положено плановому концерту. Четыре выкрика «браво», букет роз первой скрипке, десяток «приливов» рукоплесканий и поклоны с топтанием по передним залысинам сцены.

Музыканты еще купаются в овациях, а публика уже стучит сиденьями, кашляет, сморкается и разговаривает в голос.

– Номерок не потерял? – спрашивает сопрано слева.

– Не потерял, – обиженно отвечает баритон, и поясняет: – Классическая музыка все-таки однообразно как-то, не дорос я, видимо...

– Подождем, пока рассосётся, – вступает знакомое заднее контральто.

Шторы цвета пыльной морской волны поглощают сцену и оркестр в полном составе. Из шторных глубин ещё слышно гроыхание стульев и футляров, затихающие голоса, смех.

– Не рассосалось там? Сходи на разведку! – отдает приказ контральто.

– Да куда торопиться-то... – философствует ее парный тенор.

– Мам, а когда мы поедem в Детский мир? – подает голос дискант.

– Опять ты со своим «когда»! Когда папа машину починит, тогда и поедem!

– А когда папа машину починит?

– О, господи, несносный ребёнок!

Хмурое небо кажется жемчужным, хмурые люди – одухотворёнными, хмурые улицы – преисполненными новых смыслов, – влияние великой музыки планового концерта абонементa № 6.

Два брата – одноотника со второго ряда скрипичной галеры идут по тротуару в других похожих ботинках примерно 43-го размера. Их старым баркасам снова по пути – к метро. «Кузнечик» с бетховенским профилем шагает, высоко поднимая тонкие щиколотки.

– Анекдот вспомнил, – наклоняется он к брату-лауреату, прячущему выдающийся череп в спортивной шапочке. – Концерт классической музыки. Вдохновленный эстет на балконе аж кончил от удовольствия, но успел расстегнуть ширинку и фонтанчик спермы полетел через перила вниз в оркестровую яму, ну и попало на лысую голову одного из музыкантов.

«– Боже мой, Сима, смотри, на меня, кажется, кончили!? – На тебя, Мойша, кончили потому, что ты играешь как... звезда!» Ну, там несколько иное слово, понимаешь, да?

Лауреат складывается пополам. Стрелки брюк выстреливают друг в друга. Он останавливается посередине тротуара, давясь хохотом.

Их обгоняет семейство: жена-контрабас, муж-смычок и ребёнок, удерживающий их вместе.

– Вот если бы кто-то не отдал машину в сервис не вовремя, мы бы сейчас ехали домой как люди! – произносит уже родное недовольное контральто.

– Я виноват, что они не сделали? Обещали вчера! Я что могу поделать? – оправдывается тенор.

– Конечно, ты ничего не можешь! Отдал и хорошо, пусть делают не спеша, зачем нам машина? – сарказмирует женщина.

– Я звонил сегодня! У них нет запчастей! Они сами ждут!

– Да, да, только они ждут на машинах, а мы пешком!

– Ну, что ты за человек! – вздыхает мужчина. – Хороший концерт, хорошая погода, прогуляемся пешочком, ничего страшного. Вон спроси лучше у ребёнка, что он вынес из твоего культпохода.

– Сам спроси, мне хватает с ним каждый день уроки делать, а ты приходишь, когда он уже спит, вот и пообщайся с сыном хоть в выходной.

– Сын, тебе понравился концерт? – послушно общается тенор с ребёнком.

– Ну, да... – вступает дискант.

– А как ты думаешь, о чём эта музыка? Эта великая музыка!

– Она о том, что ссориться нельзя людям... что надо дружить всем. И что нельзя убивать людей...

Повисает пауза, заполненная шумом уличного движения и равнодушным молчанием облаков.

– Салат из морепродуктов сделаю на обед сегодня, ваш любимый, – нарушает паузу заботливое контральто.

Убойный материал

Гудящая пробка и бегущая толпа вызывают у Артёма восторг. Он всегда мечтал быть в гуще событий, и вот – он, стажер телеканала, делает свою первую самостоятельную передачу! В центре Москвы! На собственную тему! Тема – «сбыча мечт» как иронично принято ее называть. Ирония от растерянности, уверен Артём. Никто ведь не понимает, почему люди мечтают стать президентами и космонавтами, а становятся менеджерами и водителями. Почему кто-то осуществляет свою мечту, а кто-то нет. Что мешает? Обстоятельства? Характер? Судьба? Где тот момент, в который делается шаг в сторону и можно ли что-то вернуть и изменить в своей жизни? Идея Артёма – материал на основе интервью с обычными людьми на улице. Это будет бомба!

– Ничего из твоей затеи не выйдет, Артемий. Просто по опыту могу сказать. Ну, не говорят люди на улице ничего интересного, тем более полезного для рейтинга, – устало объясняла Карина, руководитель проекта. Карине было за сорок, но работа с молодежью не давала ей вылезти из джинсов и косух, не влиявших, впрочем, на взрослую рассудительность.

– Не в этом дело! – горячо возражал Артём. – Смотря какой мессидж ты несешь людям! Люди – это зеркало тебя самого! Ты отстой и они отстой! Ты скучный и они скучные! Ты на

позитиве, на креативе, и они ответят тем же! Людей надо заразить идеей! И тогда они раскроются, и будет тебе рейтинг и счастье! Это будет убойный материал! Я те отвечаю!

– Ладно, окей, пробуй, – сдалась под натиском энтузиазма Карина. -
В конце концов, смелость города берёт. Бери Данилу и вперед!

– Почему Данилу? Он младше меня! У него опыта мало! Мне нужен профессиональный оператор! – запротестовал Артём.

– Опыта мало – вот и попрактикуетесь. И не звезды, а то передумаю, – отрезала Карина.

Центр Москвы с гудящей пробкой и бегущей толпой выбрал Артём. С трудом припарковали машину с названием телеканала, и начали работать.

Скорый взлёт карьеры, желанная самостоятельность и любовь ко всему человечеству держат на лице Артёма улыбку небывалой ширины и обаяния. Он сует микрофон в лица прохожих, с энтузиазмом повторяя одно и то же вступление: «Мы – молодежный проект на ТВ, делаем передачу о наших мечтах, о том, что сбылось и не сбылось. Ведь все мы мечтаем и идем к своей мечте! Но кому-то не хватает сил, кому-то везения, в какой-то момент мы опускаем руки. Но ведь многие добиваются того, о чем мечтают! Почему? У них другие руки? Другие обстоятельства? Им просто везет? Они сами другие? Что вы думаете об этом? Согласны ли вы, что на самом деле всё зависит от нас самих! Нам интересна ваша история! О чем мечтали Вы? Что сбылось, а что нет? И что бы Вы хотели изменить в своем прошлом?»

Улыбка небывалой ширины и обаяния заражает. Люди останавливаются, улыбаются в ответ, называют профессии, о которых мечтали в детстве, и кем стали: «хотел быть космонавтом, а стал бизнесменом», «хотел моряком – рыбой торгую», «мечтала быть актрисой, сейчас помощник руководителя», «всегда хотела петь и пою, в караоке...»

На вопрос «Почему?» отвечают: «так получилось», «мало ли о чем мы в детстве мечтаем», «таких не берут в космонавты», «надо было семью кормить», «да я и так всем довольна...»

Кто-то проходит мимо, кто-то отмахивается.

Пожилая дама с сиреневыми губами и робким мальчиком за руку, перебивает, не дослушав вступление Артёма: «У меня сейчас совершенно другие мысли, молодой человек!» Полный мужчина с портфелем говорит с осуждением: «Ерундой занимаетесь, ребята! Страна развалена! Люди не живут – выживают! А вы тут фигню всякую спрашиваете! Время отнимаете у людей! Горе-журналисты! Спасать надо страну! Эх!», машет портфелем и теряется в толпе. «Отличная тема! Реально крутой проект! Ребята, респект! Мы тоже всегда на позитиве! Проповедуем этот, единственно конструктивный подход к жизни!» – высказывается парень в джинсах с мотней и растянутой майке, пока его так же одетая девушка отрешенно лижет мороженое.

Артём целеустремлен и неутомим. Заметив, что чрезмерный напор больше отпугивает, чем располагает, он сокращает вступление до пары предложений и вопроса: «Что бы вы хотели изменить в своем прошлом?»

За два часа работы в журналистской копилке собираются ответы:

«Купил бы квартиру, когда ее еще за десятку можно было купить, а сегодня не подступишься...»

«Женился бы на однокласснице! Она мне глазки строила, сейчас в Центробанке работает! А я на пиво еле наскреб...»

«Свалил бы нахрен из этой страны...»

– Каринка, конечно, динозавр, но она права, фигня выходит, – скребет макушку Данила свободной от камеры рукой.

– Ты оператор? Ну и снимай! – обижается Артём. – Идея моя, материал мой и я его сделаю! Каждый должен своим делом заниматься!

Последний глагол Данила считывает с губ Артёма. Визг тормозов заглушает слово, и шум улицы, и мысли об обеде. Черный «джип» по касательной задевает машину с названием телеканала. Ребята бегут к ней. Разбита левая передняя фара и, кажется, вмятина на крыле. Из джипа вылезает мужчина с не предвещающим ничего хорошего лицом и сразу кричит, привлекая прохожих сильнее, чем весь опросный позитив Артёма.

– Какой ...!!! Поставил сюда машину!!! Чья машина???

– Наша! А вы, что, не видите, куда едете? – вежливо противостоит Артём, а Данила молча крутит глазами.

– Два дебила это сила! – зло шутит мужчина. – Здесь нельзя парковаться!

– Машина стояла на месте! Тебе дороги мало, дядя? – вступает пришедший в сознание Данила.

– Я те щастыкну! – распаляется дядя. – Еще раз повторяю для тупых! Здесь нет парковки!!! Здесь поворот!!!

Мужчина обходит джип и разглядывает «ущерб» – царапину на правой двери. Потом замечает название телеканала на виновной машине.

– Вы с телевизора, что ли? – оборачивается он к ребятам.

– Да! – с неуместной гордостью подтверждает Артём.

– А, ну, чудненько! В телевизоре бабок много, пусть чинят. Пацаны, вы попали. – Дядя достает телефон и набирает номер.

Ребята, наконец, осознают случившееся.

– Нас выгонят с работы, если мы телекомпанию на деньги выставим! У нас это первое самостоятельное задание! Нам машину первый раз доверили! Может, как-то решим, может, мы что-то можем сделать для вас? Ну, пожалуйста! – заискивающе улыбается Артём.

Мужчина продолжает набирать. Артём выжимает из организма максимум позитива и повторяет просьбу. Дядя вдруг заинтересованно смотрит на ребят и отменяет звонок.

– Ну, окей, – говорит он. – У нас годовщина выпуска скоро, собираемся с друзьями. Сделаете небольшой фильм о каждом и подьедете, снимаете встречу. Дискеты, кассеты, или

как у вас там это называется – отдадите. Им будет приятно. А сейчас заедем в офис, я дам инфу, чтобы вы подготовились, и не несли чушь, как все ваши собраты.

Артём и Данила кивают, прыгают в машину с названием телеканала и следуют эскортом за джипом.

Шикарный кабинет говорит о своем хозяине только в превосходной степени.

– Круто! – восклицает Данила, озираясь.

– Кажется, повезло... – вслух высказывает мысли Артём.

– Новичкам всегда везет, – подмигивает хозяин. – Да, Владимир Анатольевич меня зовут. Я в своей конторе и президент и премьер министр в одном лице. Кофейку нам! – кивает он вошедшей девице – победительнице конкурса красоты, сообразительности и исполнительности. – Прощу! – он приглашает гостей к диванам из рыжей кожи и низкому столу, и кидает фотографии.

– Это с прошлого сабантуя. Они тут не слишком трезвые, но узнать можно, – комментирует он, улыбаясь. – Это Мишка, это Колян, это Ромыч. Я их всех люблю. Мы учились вместе и так по жизни вместе. Из таких задниц друг друга вытаскивали! Огонь, воду и медные трубы прошли! Ни беды, ни бабы не развели! Мужская дружба – не пустой звук! Мы учились в Питере, Колька женился первым и уехал работать в Челябинск, он оттуда родом. Мечтал давать стране угля. Работал там на электроламповом заводе. Он первым из нас и в Москву рванул. С женой и ребенком на самолете, а скарб, весь, что был – контейнером отправил. Приехал, а контейнера нет! Потеряли. И он, один, жена не работает, ребенок маленький, с чистого листа начал в прямом смысле слова. Так через два года уже квартиру в Москве купил! А Челябинский завод только на его заказах и выжил. Он их убедил итальянские технологии купить, наладил там линию, а продукцию Газпрому пристроил! Во как! – Владимир Анатольевич засмеялся, искренне гордясь другом. – У Мишки – тоже история, – кивнул он на фото. Его отец, дядя Лёва, из семьи литовских евреев. В сороковом году Литву же присоединили к СССР, в июне сорок первого ему было семь лет, и он был в пионерском лагере. Детей эвакуировали на Урал, по детским домам, и дядю Лёву усыновила директорша детского дома. У них с мужем была своя дочь, на три года старше, и так понравился им пацан, что они его забрали. А муж у нее был дипломатом, и его направили работать в Румынию. Родители искали его всю войну и после нее, и через шесть лет нашли, приехали и забрали. Ему уже было тринадцать. Так он всю жизнь жалел, что они его нашли и вспоминал, как ему хорошо жилось с приемными родителями. Все голодали, война, а они кушали хорошо, квартира большая, игрушек полно. У него всю жизнь была мечта найти их, но не вышло. Мишка можно сказать под эту мечту отца и вырос. И осуществил ее! Нашел! Не родителей уже, правда, а свою сводную сестру! Они до сих пор общаются. С бизнесом, правда, особо не клеилось у него – то заработает, всех кормит-поит, то весь в долгах. Но человек такой... Таких нет уже людей, которые бы так на чужую беду откликались! Мишке среди ночи позвони – примчится! – Владимир Анатольевич заулыбался чему-то своему и взял в руки следующее фото. – А Ромыч, тот вообще у нас красавчик! Женился на правильной девочке. Его тесть, старый номенклатурщик прихватизировал в свое время всё, что смог. Но Ромыч папин бизнес поставил на широкую ногу. Тесть его сначала знать не хотел, голодранцем обзывал, а потом всё ему отдал, сам от дел отошел, благо Ромыч ему внуков троих наделал...

Артём внимательно слушает истории. Редкая журналистская удача, неизбежный уже взлёт карьеры и любовь ко всему человечеству растягивают его губы в улыбку небывалой ширины и обаяния. Убойный материал будет!!! Пусть не с людьми на улице – они действительно ничего интересного сказать не могут. Но вот же люди!!! Это же Клондайк «сбывшихся мечт»!!!

– Короче, от вас нужны фильмы о моих друзьях, – подытоживает Владимир Анатольевич. – Как это обычно снимают – вот моя деревня, вот мой дом родной, первая учительница, первая любовь, однокашники, друзья, коллеги, конкуренты – максимум позитива, и чтоб солидно и красиво. Тем более, что они это заслужили и рассказать есть о чем!

Хозяин шикарного кабинета встает – аудиенция закончена. Жмут руки, расходятся.

Вечерина в разгаре. Фильмы о друзьях вызвали одобрение, и даже аплодисменты. Владимир Анатольевич доволен – сюрприз удался. Ребята тоже рады – и с работы не вылетели и людям хорошо сделали. Их благодарят, выпивают с ними, обнимаются.

Артём берет слово, делая знак Даниле снимать. Уверенный в своей журналистской удаче, он произносит развернутое вступление про «сбычу мечт», подчеркнув, что здесь собрались люди, добившиеся всего, что хотели, и предлагает виновникам торжества ответить на вопрос: «Что бы вы все-таки хотели изменить в своем прошлом?»

– В прошлом? – нетрезво хмурится Николай. – Купил бы завод, когда он стоил два ляма, а сейчас уже всё, не подступишься. Такие цены ломают!

– Женился бы на Таньке Ельциной! Мы в параллельных классах с ней учились, она мне глазки строила! Кто ж знал! – хихикает Роман.

– Свалил бы нахрен из этой страны! Но в другой таких бабок не сделать, и так их не просрать, так что гуляем здесь! – машет руками Михаил, садясь мимо стула под общий хохот.

Камера крупно берет лицо Артёма, с которого медленно сползает улыбка небывалой ширины и обаяния...

Подвиг Матросова

– Матрос, айда корабли пускать! – крикнул Витька Прокопенко, когда вывалили из школы.

– Я на деньги играть не буду! – предупредил Ваня Матросов.

– Не, на просто так!

– Ну, пошли, – согласился Ваня.

Слепящее весеннее солнце резвилось в вымытых окнах, бутылочных осколках и ручьях. Тот, что за школой, отлично подходил для регаты. Мощный, с шеверами и завалами, он катил свои талые воды до самого перекрёстка, где с шумом впадал в сточную решетку.

Витька достал дневник и выдрал из него лист.

– Зачем из дневника-то? – спросил Ваня.

– А, там параша, ещё мать увидит, орать будет. Пусть плывёт, – хмыкнул Витька.

Ваня порылся в портфеле, вытащил материн журнал по вязанию, который каждый месяц забирал с почты. На обложке улыбалась темноволосая девушка в вязаном свитере. У нее были необыкновенно белые зубы и красивые глаза. Ваня засмотрелся.

– Ты чего, Матрос, влюбился что ли? – скривился Витька.

– Не, – смутился друг, – думаю, как сделать.

– А мать не заругает?

– Она такой уже вязала. – Ваня аккуратно оторвал обложку от журнала и сложил из нее корабль.

Мальчишки спустили свои судна на воду, и побежали вдоль ручья.

– Твой застрял! – радостно закричал Витька. – А помогать нельзя! Помогать нельзя!

Ванин корабль боролся с завалом. «Вязаную» корму трепало течением, а нос с белоснежной улыбкой уткнуло в кучу веток. Корабль словно вгрызлся в них. Разлинованный Витькин крейсер успешно преодолевал сложности весенней навигации.

– Я на просто так играть не буду! – заявил Витька. – Давай на щелбан!

– Так не честно, – серьёзно сказал Ваня.

– Все честно! Щелбан это не деньги!

– Матросов! Прокопенко! Вы дневники сдали? – крикнула с тротуара их классная, Валентина Архиповна, блеснув на солнце очками, серёжками, заколкой и еще чем-то продолговатым под мощным подбородком.

– Я сдал, – ответил Ваня.

– Я сёдня дома забыл, Валентинархипна! – сказал Витька.

– Дома забыл? – потрясла классная подбородком, и на ней снова всё заблестело. – А лодка из чего? Вон та!

– Это не наши, Валентина Архиповна! Мы просто играем! – соврал Ваня, зная, что ему поверят.

– Я, честно, завтра принесу! – подыграл Витька.

– Только завтра – принеси! – строго сказал Ваня, подождав, пока классная пройдет.

Пока разговаривали, Ванин корабль развернуло течением и он, обогнав Витькин параше- носец, продолжил маршрут вперед «вязаной» кормой, белозубо улыбаясь вслед проигравшему.

– Я пошутил про шелбан, – сказал Витька.

– Я так и понял, – улыбнулся Ваня.

Слепящее солнце прицельно било по глазам, отражаясь в металлических частях корабля. Офицер Матросов нес вахту на БПК «Прямолинейный», привычно наблюдая в оптику линию склейки неба и моря – горизонт.

Американец засветился серебряным крестом в небе с той же стороны, что и в прошлый раз. «Твою ж мать!» – ругнулся Иван и взял его в прицел. Знакомая картина повторялась с точностью до секунд. Американский самолёт приближался, мгновенно увеличиваясь в размерах, и держа курс точно на их корабль. Потом заложил вираж влево, блеснув на солнце стеклом кабины пилота, и направив её прямо на Матросова, в лобовую. Иван видел самодовольную американскую рожу с классической зубастой улыбкой. Самолёт несколько раз с рёвом спикировал на корабль, чуть не задевая мачту и тыча в лицо американским флагом, и снова ушёл в небо. У Ивана свело сжатые кулаки, но реагировать по-другому он не имел права. Это провокация, американцы дразнят, фиксируют на видео, проверяют нашу боевую готовность. Нагло, с уверенностью в собственной безнаказанности. Испытание для нервов непростое. Иван вытер взмокший лоб. Рёв американских моторов стоял в ушах. На БПК, большом противолодочном корабле, позади носовой башни находится реактивная бомбометная установка – РБУ. Залп у неё, как у Катюши, только мощнее. А он должен спокойно наблюдать, как американцы наглеют на глазах. Но система может быть приведена в действие только в случае «готовности №1» – «по приказу командования в случае вооружённого конфликта или других угрожающих действий со стороны вероятного противника». Во всех прочих случаях он обязан сохранять спокойствие.

«Сохраняем, блин, спокойствие» – вслух сказал Иван, возвращаясь к наблюдению линии склейки неба и моря.

Вечером команда расслаблялась. Пили. О сегодняшнем «налёте» не говорили. Чего говорить? Все понимают, что сделать ничего нельзя. Но напряжение висело в воздухе. Не выдержал Василич, самый старый в команде. Прищурившись, он ленинским жестом обратился к Ивану:

– Вот ты, Матросов! Молодой, всё понимаю, но вот ты знаешь, кто прославил твою фамилию? Слышал о подвиге тёзки твоего, Александра Матросова?

– Нет, – ответил Иван. – А что он сделал?

– Ээх, стыдоба-то какая! Офицер! Как же ты служить-то собрался, Родину защищать, если о тех героях, которые жизнь за неё отдали, понятия не имеешь! Что, уже в школе об этом не рассказывают?

– Мне не рассказали, – ответил Иван.

– Отменили, значит, патриотизм... – горестно вздохнул Василич, – всё, к чертям соба- чьим, отменили! Патриотизм, любовь к Родине, честь, совесть, доблесть! Давай, отменяй, зачем это все молодежи-то! Знай себе, жуй!

– Виноват, Василич, – сказал Иван, – ты напомни, в чём там дело, может, знал, да забыл.

– Знал, да забыл! – передразнил Василич. – Всё у вас так! Иваны, не помнящие родства! Гнилое поколение! – он посмотрел в торец шкафа и процитировал: «Я видел, как умирали мои товарищи. А сегодня комбат рассказал случай, как погиб один генерал, погиб, стоя лицом на запад. Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт такая штука, что вот живёшь-живёшь, и вдруг пуля или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот наш генерал: в бою и лицом на запад». Это его слова, тёзки твоего, Матросова. Он их в письме девушке написал. А дело там в чем? В бою за деревню Чернушки комсомолец Матросов закрыл амбразуру дзота своим телом, чем обеспечил продвижение наших бойцов вперед. Вот в чём! И не знать этого офицеру... не позволительно! – подобрал слово Василич и надул щёки.

– Круто! – сказал Иван. – Не знал. Но, слушай, Василич, я, как офицер, немного знаком с физикой. Этот случай противоречит элементарным законам. Закрывать телом пулемётную амбразуру невозможно. Одна винтовочная пуля, попадая в руку, сбивает взрослого человека с ног. А пулемётная очередь в упор сметёт с амбразуры любое, даже самое тяжёлое тело. Так что это, мягко говоря, лажа.

Василич побагровел.

– Ну ка, повтори, что ты сказал, салага! – он поднялся и пошёл на Ивана.

– Э, тих, тих! Мужики, вы чего! – вскочил Володя. – Матросов! Ты бы думал, что говоришь! И ты тоже, Василич, ну чё ты, нюхнул чуток и лезешь в бутылку! Хорош! Отвоевали, победили! Таких матросовых в России знаешь сколько было... Давай лучше о бабах. Я вот лично уже на любую согласен... Забыл как живая выглядит...

– Да ну, от живых проблемы одни, – буркнул Игорь.

– Вот щас не поонял! – привстал Володя. – У тебя труп красотки под койкой, что ль, Игорёк?

– Да нет, ты что! – замотал головой Игорь. – Кукла...

Дальнейшие объяснения счастливого обладателя единственной женщины на корабле утонули во всеобщем гуле и улюлюканье. У проговорившегося бегали глазки, но было поздно. Пришлось демонстрировать даму. Игорь принёс обычный с виду чемодан и извлёк оттуда куклу невероятной красоты. Повисла тишина. Искусственная девушка отличалась от живой лишь молчаливостью. Волосы – настоящие, длинные, тёмные, блестящие. Бархатная кожа, тончайшее кружевное бельё, большая грудь с торчащими сосками, пухлый рот округлен буквой «О» и вагина без волос, со всеми анатомическими подробностями.

Иван вышел на палубу, укутанную чёрным одеялом ночи в прострелах звёзд. Море ощущалось только по запаху, но миллионы тонн солёной воды ни с чем не перепутаешь. Он вспомнил, как мальчишкой мечтал стать морским офицером, как поссорился с матерью из-за этого, как уехал учиться, как был счастлив, когда попал на БПК «Прямолинейный». И вот он здесь, в своей солёно-звёздной мечте, а на душе муторно... Наташка... Ну что, Наташка... Если любит, дождётся...

– Ты чего ж ушёл-то, боец? – раздался рядом голос Василича. – Там мужики групповое изнасилование устроили с особым цинизмом, – он засмеялся и пальцами разгладил усы.

– Да не знаю, – тихо отозвался Иван. – Меня невеста ждет. А тут... ну измена не измена, а все равно как-то противно...

– Три тыщи зелёных такая игрушка стоит, представляешь? Игорёк-то, жук, её ещё полгода назад прикупил, а проболтался только сейчас! А что противно, это ты точно сказал.

– Не понравилось? – улыбнулся в ночь Иван.

– Да я и не пробовал, – махнул рукой Василич. – Посмотрел, как эти здоровые дураки резвятся и ушёл. Старый я уже для таких новшеств. Я по старинке. Повесишь в каютке фотку красотишки какой-нибудь и вручную! – он захихикал, тронув уже отглаженные усы. – Когда по три месяца на боевом дежурстве в море, чего ещё делать? Хорошо, что каюта двухместная и сосед на вахте, когда ты с неё приходишь. А в иллюминаторе море до горизонта. Свихнуться можно запросто. Как тут без рукоблудия, когда по сто дней без баб. Зато потом на берегу кабаки гудели от разгула! А уж там баб – завались! Мы Севастополь так и называли: «город камней, блядей и бескозырок». Офицеры гудели в кабаках, матросики – на дискотеках. Случаев изнасилования тьма! Бывали случаи, когда девчонку приводили на корабль, и если он стоял у стенки на ремонте или ждал выхода на боевую, её держали где-нибудь в дальней каморке, кормили и потраховали по очереди. Это, правда, пресекалось строго. Да только из энтузиасток всегда очередь выстраивалась. Мужиков-то видных и при бабках тучи! Да и бабы были нечета этой резиновой! Красивые бабы были в Севастополе! Да и в других городах Крыма. Тогда он был наш... А мы стояли в Новоозерном, там сейчас база флота Украины. Хотя уже кирдык их флоту. Корабли у них были старые, наши... – Василич замолчал, тяжело вздохнув. – А ты, Ваня, молодец! – вдруг хлопнул он Ивана по плечу. – Невеста это правильно...

Солнце било из амбразуры облаков точно в мишень зрачка. Иван на секунду отвернулся, но солнечная «очередь» продолжала пульсировать перед глазами. Американец вывалился из тучи неожиданно – сразу огромный, острокрылый, наглый. Левый вираж и он снова спикировал на корабль, чуть не задевая брюхом мачту и дразня звёздно-полосатым флагом. «Три, четыре, пять...» – считал Иван количество заходов и сглатывал заложенность в ушах от рёва самолетных турбин. В прошлый раз было двенадцать, а в позапрошлый – девять. Американец вошёл во вкус, летает к ним как на работу. «Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...» – вслух считал Иван, чувствуя, что ему все труднее сохранять спокойствие. «...Девятнадцать, двадцать, двадцать один!!! На!!!»

Залпом содрогнуло корабль. Сияющие обломки американца на мгновение застыли в воздухе. Солнце успело порезвиться на всех частях бывшего самолёта, способных к отражению света, включая часть со звёздно-полосатым флагом. Над обломками взлетело кресло катапульты. Затем и оно полетело вниз, а над летчиком взорвался белый купол парашюта. Иван видел перекошенное ужасом лицо пилота, болтающегося в небе. Ему больше не улыбалось, и этот факт как нельзя лучше способствовал спокойствию. К Ивану уже бежали ребята, а в рубке орало начальство. Ор заглушил взрыв приводнившихся остатков самолёта. Изумрудная стена воды, пронизанная солнцем, отделила Ивана от прошлой жизни...

За американским летчиком выслали спасательный катер. Это было ЧП. Нота протеста, разборки... «В мирное время сбит палубный истребитель США» За офицером Матросовым выслали вертолёт, сняли с корабля, списали и уволили из рядов ВМФ. Когда увольняли, адмирал тепло сказал ему: «Спасибо, сынок, Иван Матросов!» и потряс руку...

Молодой мужчина в пальто шёл по весенней улице. Он любил это время года. Любил, как солнце резвиться в окнах, битых стеклах, ручьях. В ближайшем ручье, мощном и протяжённом, пацаны пускали кораблики. Мужчина остановился посмотреть. В кармане завибрировал телефон.

– Здорово, Иван! Это Василич, помнишь ещё такого? А я вот еду на побывку, домой, приветы тебе везу!

– Здорово, Василич! – улыбнулся мужчина, следя за бумажным кораблём. – Как у нас там?

– После тебя – тишь, гладь, божья благодать! – засмеялся Василич. – Никто ничего! И довольно долго! Самолеты их ни летали вдалеке, и корабли от нас подальше держались! Потом, конечно, понемногу оправились и по новой стали наглеть. С нами параллельными курсами стали ходить американцы, их фрегаты шестого флота. А у нас за бортом в люльке болтался матросик, подкрашивал облупившиеся места. Американцы подошли близко, метра два до них было, и ржали, глядя как матросик боится. А кисть-то на длинной палке, так паренёк изловчился и написал у них на борту большими кривыми буквами «ХУЙ»! Веселились всей командой! А когда этот матросик на борт поднялся, просил меня тебе привет от него передать. Так и сказал: «Ивану Александровичу передайте привет лично от меня!» О твоём-то подвиге тут легенды ходят! Вот, передаю.

– Спасибо, – ответил мужчина.

– Сам-то как? – спросил Василич.

– Да нормально. Работаю. Женился вот.

– На той своей невесте?

– На ней.

– Ну, совет да любовь, как говорится. А я... на похороны еду, в общем, – тихо сказал Василич. – Друга закололи на пляже, когда обмывали очередную звезду на его погон... Судьба играет человеком, а человек играет на трубе... Это я к тому, что никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь... Так то... Ну, бывай, Матросов...

Дядя

Мой дядя самых честных правил, не на шутку обрадовался разбудившему его бестактному «тук-тук» в моём телефоне в полвторого ночи по местному времени. «Тук-тук» сопровождал очередное пришедшее мне смс-сообщение. Двадцать смс дядя проспал в кресле перед телевизором, бубнившего на иврите, а двадцать первое его разбудило. Я была у него в гостях и почувствовала себя неудобно. Дядя сонно потёр большой еврейский нос и спросил, кивнув на телефон:

– Как его зовут?

– Паша, – виновато ответила я, ожидая сразу двух вопросов: «он охренел писать в такое время?» и «а как же муж?»

– Давно это у вас? – спросил дядя.

– Пять лет почти.

– Спать не хочешь? Пойдем чаю попьем? С печенюшками, – предложил он.

– Неа, спать не хочу. Пойдёмте.

Мы пили с дядей чай с печенюшками и я, обтрясая крошки с пальцев, бросалась отвечать на смс через каждые пол-печенюшки, пряча телефон под столом. Дядя лукаво шурился над чашкой, делал глоток и плавно ставил её перед собой, отражаясь седыми кудрями в коньячной глади чая...

– О! Дятел твой опять! Привет ему передай! Напиши ему, что я его дятлом обозвал! – хохотал он, плюясь крошками.

Я перестала отвлекаться на печенюшки и прятаться под столом, и положила на стол телефон, не прекращающий выстукивать послания.

– Слушай, дорого же... Он уже штук сорок настучал! – подсчитал дядя. – У него, что, денег много?

– На смс хватает... – ответила я, не отрываясь от кнопок.

– А у тебя откуда столько денег отвечать?

– Он кладёт.

– А, ну тогда он молодец! Напиши ему, что он молодец! – потряс пальцем в воздухе дядя.

– Только это и пишу...

Он положил печенюшку за щёку и задумчиво произнес:

– У меня тоже были истории... Есть что вспомнить дедушке...

Я оторвалась от «пишущей машинки»:

– Расскажите!

– Да чего рассказывать... Я ж вечный командировочный. А в командировке как водится, все мужики холостые. И я не отставал, мягко говоря. Я вообще был передовиком всегда, – он тронул седую щетину на подбородке. – Всех до сих пор помню, но одну – особенно... Сколько раз приезжал в тот город, был с ней, она ждала меня. Одна жила. Нежная такая, волосы длинные, голос тихий, такая хорошая, спокойная... Не то, что тётя твоя, хулиганка, которой запустить новым сервизом в стену обычное дело! – засмеялся он своим воспоминаниям.

– И что с ней? С тихоней? Было какое-то продолжение?

– Да какое продолжение... Я же на хулиганке был женат! На тетушке твоей! Сервизы ей новые привозил, чтоб было чего швырять. Но вот помню ту тихоню...

– А вы знаете, что с ней стало сейчас? Жива она вообще?

– Нет, не знаю... Пытался ее найти в одноклассниках, когда на старости лет интернет освоил, но не нашёл.

– А телефонов не осталось?

– Какие телефоны! Это ж было тридцать лет назад. Мне тогда сорок было, а сейчас, дай бог... Не знаю, может, и нету её уже. А если есть – так она старая совсем! Бабка! Зачем она мне? Не страшно быть дедушкой, страшно спать с бабушкой! – захохотал дядя и, посмотрев на часы, сделал громче телевизор: – О! Тихо! Новости! Надо знать, что в мире делается!

Я углубилась в свои смс-новости, строча их на фоне новостей из далёкой, холодной и беспокойной страны России.

– Он женат? – вдруг спросил дядя тревожным голосом российского диктора.

– Кто? – не сразу вернулась я в реальность.

– Дятел твой.

– Да.

– И дети есть?

– Есть.

– Понятно...

Дядя молча сидел перед телевизором, но смотрел в себя, словно пересматривал прожитую жизнь.

– Эта квартира по полгода пустая стоит, – произнес он после долгой паузы. – Приезжайте, живите. Напиши ему это.

Я оторвала голову от дисплея телефона.

– Вы это серьёзно?

– Да. Ключи я дам.

– Поощряете разврат?

– Не разврат, а любовь, – ответил дядя и посмотрел так, что я вдруг поняла: у любви нет прошедшего времени...

– Спасибо...

– Не стоит. Дедушка еще кое-что помнит, – он сощурил глаза и старческим голосом произнес: «Дедушка! Что это у вас за тряпочка? Эта? Эта тряпочка когда-то была грозой Одессы!»

Я засмеялась. Телефон снова застучал.

– Вон твой дятел снова. Передавай привет ему от меня! И пусть приезжает.

Утром, когда я вышла с мятым лицом на солнечную кухню, бодрый дядя в белоснежной футболке и спортивных брюках заливал геркулес упругой струей кипятка.

– Доброе утро... – проямлила я сонно.

– Доброе, доброе! Сделать тебе мою супер кашу?

– Нее, я сама как каша... Мне бы кофе...

– Это неправильно! На голодный желудок надо кашку кушать, а жидкость употреблять только через полчаса, а кофе вообще вредно пить!

– Ну и пусть... я кофе хочу...

Дядя покачал причёсанной седой головой и принялся за кашу.

– Ох, таблетки забыл приготовить! – он вынул из упаковок и выложил рядом с пиалой три цветные пилюли.

– Это от чего?

– Эта для пищеварения, чтобы не пукать, эта от давления, чтобы не упасть, если пукну, эта для мозга, для памяти, чтобы не забыть выпить таблетки, если пукнул и упал, – расхохотался он. – В общем, от старости. А твой-то этот дятел пьёт таблетки?

– Не знаю. При мне не пил.

– Ну да, ему рано еще...

Днём мы отдыхали после суматошного утра и сытного обеда. Дядя дремал в своей комнате, смотря, судя по высокохудожественному храпу, цветные сны. Я в своей комнате валялась на кровати с телефоном, в который тыкала пальцем все полтора часа и не заметила, как дядя тихонько приоткрыл мою дверь.

– Ку-ку! Не спишь? А я заснул! Сон такой видел... Куда-то я ехал с женщинами какими-то, попы помню, лица нет, но красиво! А ты все тычешь?

– Ага.

– О чём можно переписываться сутками, объясни мне?

– У нас вечно вечные темы. Их нельзя закончить, можно только прекратить... Вы заходите, что вы как неродной, в дверях?

Он улыбнулся, и, войдя, сел на краешек кровати в ногах. Потрогал мою щиколотку.

– Не замёрзла?

– Неа.

– Слушай, я хотел тебя спросить, вы где вместе были с ним?

– В смысле?

– Ну, куда ездили вдвоём?

– Никуда.

– Как никуда?!?

– Так. Встречались только в Москве.

– Часто?

– Сначала часто, потом редко. Сейчас совсем не видимся, только переписываемся.

– А деньги на телефон он кладёт, – уточнил дядя.

– Да.

Дядя похлопал по краю кровати и встал.

– Слишком много слов... – махнул он рукой и вышел из комнаты. – Приходи, чаю попьём! – услышала я его голос с кухни.

Больше он не спрашивал меня об этом.

Вечером мы гуляли в парке возле дома. Старый Иерусалим дрожал внизу золотым миражом в бархате ночи.

– Видишь, насколько наш район выше старого города? Здесь даже есть специально оборудованные места, чтобы смотреть на город. Пойдем, покажу.

Мы пошли по дорожкам из белого камня к вершине парковой горы. Несколько скамеек, обращенных к старому городу, располагались полукругом, словно в театре. Внизу показывали золотой мираж.

– Давай посидим? Здесь так красиво.

Мы сели под стук пришедших мне смс. Я стала отвечать. Дядя нахмурился.

– Да подожди ты! – крикнул он. – Что ты бросаешься отвечать, как только он напишет! Нельзя же так делать! Ответь через час, на следующий день, а лучше вообще не отвечай! Пусть волнуется, думает, что с тобой, почему не отвечаешь! Это только на пользу пойдет отношениям. Поверь старому ловеласу. Мне семьдесят три года! Я жизнь прожил. Я знаю, что я говорю. С мужиками нельзя так. Чем женщина доступней, тем меньше ценят. Ты себе цену не знаешь! Он тебе дарил что-нибудь? Нет. Он с тобой ездил куда-нибудь? Нет! Он тебе обещал что-нибудь? Нет! Тыкать пальцем в телефон – невелика заслуга. Да он просто онанист. Одна рука на кнопках, другая в штанах. Есть такая порода мужиков. И знаю я эти вечные темы...

– Правда? – наивно спросила я.

– Правда... – успокоился дядя. – Брось его. Не нужен тебе такой. Ты такая... необыкновенная... Сама не знаешь, какая ты...

– Вот и он мне это всегда говорит...

Дядя взял меня за руку и улыбнулся.

– Мне можешь верить. Я тебе как родственник говорю.

Мы смотрели, как старый Иерусалим мерцал огнями в ночи и молчали. Пришло два смс. Потом ещё одно и ещё. Я знала, что если прочту, то обязательно отвечу. Не смогу не ответить. Поэтому не стала брать телефон, зато стала думать, что он хотел, дятел мой. Четыре смс подряд. Может, что-то важное? Может, что-то случилось?

– Вот молодец! – похвалил меня дядя. – И не отвечай. И не думай о нем. Пусть он думает о тебе.

Телефон стих.

– Что тебе завтра вкусенького купить?

– Манго и дыньку, – я поцеловала дядю в щёку.

– И все? А творожок? А рыбку? А индюшку?

– Ну, это обязательно... – нагло промурлыкала я.

– Вот. Я лучше знаю, что ты любишь! Племянница! – засмеялся дядя и обнял меня за плечи.

Инь-янь

«Тель-авивская улица сухими губами бордюров молила небо о влаге. Мольбы испарялись, не поднимаясь выше подошв. Мёртвое пекло лилось с посиневшего неба в трещины белёсых домов, в оплавившиеся выбоины мостовой. Отсутствие обычных для этого города растений, прильнувших к своим капельницам, льстило глухому солнцу...»

За две недели безделья в гостях у родственников желание складывать буквы в слова раздулось до злокачественной литературной опухоли. Опухая на исторической родине, я пробиралась по раскаленным булыжникам, боясь не столько упасть и пришквариться, сколько выронить свежесочинённую фразу про сухие губы бордюров...

«Ч-чёрт!» – раздался позади мужской споткнувшийся голос, за ним женский: «Осторожно!»

Я обернулась на русскую речь. Мужчина и женщина. Оба – высокие, светловолосые, загорелые, не похожие на израильтян. Женщина немного старше, очень красивая. Мы спеклись взглядами. Точно знакомая. Но кто, откуда? Лопасты памяти принялись ворожить склеротические пласты.

Ольга! Фотограф! Мы работали на одном проекте лет десять назад. Я писала о семимильных шагах книжной индустрии, которыми она шагает к краю цифровой пропасти, а Ольга обеспечивала наглядный материал. Очень хороший фотограф. Точно, она!

В Ольгиных глазах шагали коллеги, соседи и знакомые с транспарантами: «Нет, не она!» Шествие длилось секунды. В зрачках время течёт со скоростью мысли, а не со скоростью толпы малознакомых людей.

Ольгин спутник выгуливал ожидающий взгляд между нами на поводке полуулыбки.

– Господи! Татьяна! – узнала Ольга, когда я уже собиралась сдаваться. – Вот она, профессиональная память! Лицо помню, а что с этим лицом делала – ну никак!

Она засмеялась и обняла меня, подвинув ближе блондина.

– Познакомьтесь! Это Татьяна. Мы вместе работали, в Москве ещё. Это мой муж, Миша.

– Очень приятно! – муж протянул загорелую руку.

– Ты как здесь? По святым местам? – улыбалась Ольга.

– В гостях у родственников.

– У тебя здесь родственники?

– Да, на Роша Шона собираемся каждый год.

– Молодцы какие! А у меня никого тут не было, когда переехала сюда с бывшим мужем. ... Ой, как я рада тебя видеть!

Она порылась в сумочке, протянула визитку.

– Приходи сегодня вечером к нам. Сможешь? Часов в семь.

– Смогу. Спасибо.

– Ты где живёшь?

Я назвала адрес.

– Ну, это рядом. Минут пятнадцать на такси. Там есть на иврите. Таксисту покажешь, привезёт.

Мы еще раз обнялись и поцеловались.

– Ждём! – прижалась Ольга к плечу блондина.

Мы помахали друг другу, и супруги свернули на соседнюю улицу, такую же раскалённую. Он держал ее под руку. Ее светлые волосы покачивались в такт шагам. Она, на каблуках, несмотря на жару, такая же красивая, как была, без греющего женского злорадства: «а колёночки-то уже бесформенные» или «а сиськи-то явно сделанные», – просто красивая. Ну, если только пара лишних килограмм. И все же, что-то сломалось в ее красоте, словно потерялся маленький пазл, без которого уже не было картины...

Таксист, похожий на московского кавказца, но без пытки русским языком, прочёл адрес на иврите и завращал глазами по часовой стрелке. На цифре «три», напротив меня, он остановился. Надо было что-то говорить, но что и на чём?

– Вотс ап? А ю окей? – спас меня американский кинематограф.

Таксист повторил адрес вслух, интонацией расставив вопросительные знаки после каждого слова.

– Город? Район? Улица?

– Йес, йес!

– Дэнжерос!!! – выпрямил он вопросительные знаки в восклицательные.

– Ноу, ноу, итс окей! – беспечно уверила я.

Он втянул голову в плечи, ошетилив брови и волосы в носу, и обвёл глазами край большой опасной горы, что следовало понимать как: «Я предупредил. Моё дело крутить баранку».

– О-кей...

«Поток белых машин втекал в рыхлый пляж. Слоёный пирог заката вываливал в море малиновую начинку. Сиреневые волны гладили на песке истоптанные вечерние тени, готовясь к ночи». Я мысленно воткнула эту фразу в статью о впечатлениях об исторической родине.

– Раша? – уточнил розовый от заката таксист.

– Раша, Раша. Моску.

– Окей, – повторил он.

– Бьютифул! – кивнула я на закат в лобовом стекле.

Он глянул настороженно, словно я похвалила его жену или дом.

Машина свернула в сумрак. Тесно сдвинутые серые камни хранили ночь, словно древнюю тайну. Солнце не отважилось сунуть луч между домами, и улицы освещались добровольными фонарями.

– Приехали! – с трудом выговорил «кавказец», повесив на руль волосатые руки.

Мы поупражнялись в умении понимать английские числительные, и белая машина утонула в сумраке, словно пельмень в бульоне. Я осталась одна в щели между домами, считающейся улицей. Была бы я чуть толще, застряла бы в этой улице навсегда, заросшая пыльным плющом и помеченная тощими кошками, отвоевавшими на святой земле право на независимость в обмен на удобу – полезным качеством, чтобы попасть в гости.

На двери нужного дома бронзовый лев с кольцом во рту смотрелся в отполированные каменные ступени. Разогнавшись изнутри, он застрял мордой на улице. Его спасали, упираясь в ступени и дёргая за кольцо, но лишь отполировали их. Я тоже шаркнула по ступенькам и взялась за кольцо. Лев оскалил темный клык, от чего в стене сразу нашелся пупок звонка. Раздался лай собак, тихий и деликатный, по сравнению с лаем из-за московских дверей, когда кажешься себе приглашённым лакомством для хозяйского любимца.

Солидно лязгнувший замок впустил меня к двум лохматым псам и красивой Ольге в платье крупными цветами.

– Ну-ка тихо! – пнула она пса и чмокнула меня. – Привеет! Проходи, не бойся, от них кроме шума ничего! Место, Дэни!

Вильнувшие хвосты собак, распустившиеся цветы Ольгиного платья и её яркие глаза, приглушённый свет, пряный аромат парфюма и специй, бесцеремонно занявший нос целиком, и сам дом, возбуждённый незнакомым гостем, – все говорило о цели моего приглашения – похвастаться.

– Ну, как доехала? Быстро? – светлая прядь Ольгиных волос обняла ее за шею.

– Да, но таксист так странно на адрес среагировал. Сказал, что опасно.

Ольга пожала плечами, поправила волосы.

– Не знаю. Мы привыкли. Яффа – древний арабский город. Живут в основном арабы. Здесь сносили все дома, пока израильяне не встали на защиту. Кладку старых арабских замков не могли разрушить несколько дней. Осталась свалка. Из них сделали волнорезы в море. Этот дом из сохранившихся. Ему почти сто лет.

– А как вы тут с арабами живете?

– Да нормально, дружно. Они только спереть могут мелочь какую-нибудь, это у них в крови и громко палят из всех пушек в Рамадан, а так – нормальные соседи, не хуже московских. Зато море в полутора минутах ходьбы всего, можно купаться ночью голыми. Раньше мне казалось это верхом разврата, сейчас нет... Мы ходим часто с мужем. Одной опасно...

Мы сели на диваны, впитавшие в себя пряные запахи, словно морские губки.

– Миша! Сделаешь нам кофе? – крикнула Ольга в сторону лестницы, задрав голову и выпустив одну грудь в вырез платья, надетого на голое тело.

Розовый ореол соска выкатился закатным солнцем над крупными цветами.

– А он дома? – с трудом отвела я взгляд.

– Да, ковыряется там со светом на втором этаже. Ты не обращай внимания, он не любит бабские посиделки. Мы вообще живем без вторжения в личное пространство друг друга. Наконец, я нашла, что мне нужно. Секс – да, помощь – да. Но никто ни к кому не лезет.

– Сделай сама, Олюш! У меня процесс тут! – ответил сверху гулкий Мишин голос.

– Ты выйдешь к нам? – Ольга застыла с поднятой головой и розовым соском в вырезе платья.

– Попозже, может!

– У него руки золотые! – похвасталась хозяйка, вернув грудь в платье. – Этот дом был в таком разобранном виде! Ты не представляешь! Арабское семейство выкрутило и содрало все, что можно было выкрутить и содрать! Я как-то в Москве после хохлов в квартиру заехала, в ужас пришла – они обои со стен сняли, лампочки выкрутили, розетки, крышку с унитаза унесли! Но нашим арабам они в подметки не годятся! Эти проводку выломали из стен! Поэтому у нас верхний свет не работает, приходится освещаться светильниками. Миша провода кинул временно, делает все сам. Дверь тоже он поставил. Входной двери не было, представляешь!

– Вот эту, со львом?

– Ну да. Она наверху стояла, ее выломать не смогли. Миша разобрал два дня арабские шкворни наборные, забитые наглухо. А он, с поговорочками, «что один гомо сапиенс построил, то другой завсегда разрушить может», спокойно разобрал и вниз перенёс. Эта дверь в сезон дождей выдерживает град, параллельный земле со скоростью сто километров в час!

Ольга закинула ногу на ногу, качнув туфель на «танкетке» загорелой шиколоткой. Золотая пряжка туфли подкинула «зайчика» к кованой люстре под тёмным сводом потолка.

– А эта люстра? Новая? – проследила я за зайцем.

– Эта, кстати, здешняя! Не знаю, почему-то ее оставили. Но она все равно не работает. Ладно, ты будь как дома, я кофе сварю, – поднялась хозяйка.

– Тебе помочь?

– Нет, нет! У нас и кухни нет, закуток три метра. В таких домах не бывает кухни в русском понимании. Зато гостиная как спортзал, – расставила руки Ольга, шелохнув грудью крупные цветы платья.

Я обвела взглядом «спортзал» по траектории мяча. Ковры на полу из светлого камня, ленивые диваны, древние балки, сводчатый потолок, кованые решетки на высоких окнах, витая лестница наверх, рабочий стол с огромным монитором, неожиданные светильники, свет которых прокрадывается в арки, слегка пригнувшись, словно разыскивая того, кто прячется в фото-портретах на белых стенах.

Из аскетичной деревянной рамы смотрит добропорядочное лицо мужчины. Показное самоограничение в насильно уложенных волосах и сращенность бровей с избирателем. Политик. Рядом с ним женщина с жесткими складками возле поддутых губ, приоткрытых в искусственной, располагающей улыбке. Следом – пожилой араб в догматических религиозных морщинах, тюрбане и выражением лица: «Выламывать проводку из стен? Аллах упаси! Только если ему будет угодно!» Другие портреты так же говорили о людях больше, чем они сами хотели сказать о себе. Так снимает только хороший фотограф.

– Не скучаешь? – заглянула Ольга в аромате кофе.

– Нет. Работы твои смотрю. Ты мастер!

– Да, – улыбнулась она. – А сколько этот мастер пробивался! Одна! Никто не помогал! С мужем развелись, дочь школьница, денег нет. Бегала по редакциям, на ломаном английском, потом на таком же иврите чего-то объясняла, показывала работы, убеждала. Страшно вспоминать! Однажды, практически от безысходности, сняла сама себя голую в зеркало. Показала снимок. И с этого началось. Вдруг меня заметили... Минутку, я сейчас! Кофе по-арабски это целая история!

Ольга скрылась в арке, а я представила её, обнаженную, стоящую перед безысходным зеркалом в спальне. Она смотрит, как тени ложатся на изгибы ее тела, на обводы груди с розовыми сосками, на мягкий живот с лункой пупка, на уголок паха, зажатый между стройных ног... берет фотоаппарат и снимает себя. И эта фотография разделяет ее жизнь на «до» и «после». «Кусок красной материи, пущенный на паруса, больше не заменит ей алого неба счастья. Счастья обретения себя...» – выперла литературная опухоль-заметка о талантливой художнице.

Старинный глиняный кофейник, словно откопанный археологами и новейшая бутылка коньяка появились вместе с хозяйкой, говорившей по телефону.

– Сегодня? Хорошо! Да, да, конечно! Жду вас! – Ольга приветливо улыбалась, будто в телефоне могли ее видеть. – Клиенты подъедут. Мы поработаем. Это недолго, минут сорок, час. Договаривались на завтра, но они попросили перенести. Ребята геи. Один гид, другой стюард. У них любовь, – объяснила она.

– Слушай, а можно посмотреть, как ты работаешь с ними?

Ольга отрицательно покачала головой.

– Нет, ну не пялиться, конечно! Спрятаться где-нибудь. Незаметно...

– Студия пустая, – задумчиво проговорила Ольга, – там негде прятаться. А хотя... – в ее глазах засветились два хулиганских светлячка, – есть ширма. Можно перенести ее в студию. Пойдем-ка!

Она потянула меня в темную арку.

– Осторожно, здесь ступенька! – предупредила Ольга, крепче сжав мою руку.

Студия представляла собой пустую белую комнату, напичканную светильниками и соединенную проходом с другой комнатой, в которой жил бардак. С полок свешивались парики, ткани, одежда, рыцарские доспехи, шляпы и шляпки, искусственные, вечно упругие цветы и прочий цветной хлам. Старинную, темного кружева ширму, сложенную детской книжкой в углу, мы вдвоем отволокли в студию, где она показалась светской дамой, случайно зашедшей в операционную.

– Сюда! Ближе к стене! – командовала Ольга. – А даже и хорошо! – оценила она, наклонив голову. – Создает настроение. Тогда вот ещё что!

Она ушла в «бардачную» и вернулась с рулоном белой органзы и алюминиевым обручем, какие бывали на уроках физкультуры.

– Это зачем?

– Есть идея! – азартно подмигнула она. – Только давай так – они звонят – ты сюда! Тебя не должны видеть! Договорились?

– Конечно! Тебя заводит, что я буду смотреть? – прямолинейно спросила я.

Она засмеялась, откинув голову и обнажив грудь до соска.

– И это тоже. Но мне самой интересно, как я буду работать, зная, что там кто-то наблюдает. Для меня это эксперимент!

Мы вернулись в «спортзал» к ленивым диванам и играющему в прятки свету. Ольга разлила кофе из археологического кофейника в золоченые чашки.

– Собственно, арабского в этом кофе только то, что Миша сам обжаривает и отбирает зерна. Это очень по-арабски, – рассказывала она. – А дальше – всё как обычно – холодная вода, сахар и на огонь до кипения. Я делаю так же, но у него почему-то вкусней получается.

Она счастливо улыбнулась. Светлый завиток обнял ее за шею. Она отвела его красивым медленным жестом.

– У него всё вкусно получается...

– Как вы познакомились?

– Да знаешь, банально. На улице. Я тащила сумку с аппаратурой, он помог. И потом как-то сумел быть незаметным и нужным одновременно. Именно таким, каким мне надо. Никакого другого мужика я бы не потерпела рядом. Вообще, если бы не встретила его, думаю, не сошлась бы больше никогда и ни с кем....

– Почему?

– После двух разводов и после того, как третий муж сбежал, сказав напоследок «ты сильная, сама справишься», мужиков ненавидела, да плюс еще комплексы из детства...

– Комплексы? У тебя? – удивилась я. – Да на тебя всё, что есть мужского пола, смотрит со слюнями на глазах!

– Смотреть-то смотрит. Гнилые только они все... – Ольга вздохнула. – Курить тянет... не куришь?

– Я нюхаю. И слушаю, откуда взялись комплексы у такой красоты!

Ольга, грустно хмыкнув, щёлкнула зажигалкой.

– Да тоже банально все.... Все мы родом из детства, как известно. Когда-то девочка Оля пережила самую большую трагедию своей жизни – развод родителей. Мама узнала, что у папы появилась женщина, долго терпела, пытаясь сохранить семью, но папа ушёл. Мама впала в депрессию, пыталась покончить с собой. Девочка не могла ответить на вопрос «кто виноват», а мама легко ответила – виновата Оля. Оля требовала к себе слишком много внимания, болела, капризничала, надо было водить ее в художественную школу. На папу не хватало времени, и вот результат. Оля изо всех сил старалась не огорчать маму, хорошо училась, но мама все больше винила дочь в том, что жизнь сломана, и что счастья больше нет. Есть только девочка, так похожая на предателя. С ощущением вины Оля и выросла, не понимая, почему папа прекрасно себя чувствует с новой женщиной и новыми детьми, а мама страдает. Повзрослев, она решила, что всему виной отношение женщин к мужским изменам. Женщины прощают и терпят, поэтому мужчины изменяют. Оля поклялась, что никогда не простит и что в её семье измен не будет. Или не будет семьи! Но нельзя жить, не веря тому, кого любишь. Она верила. Каждую клятву в вечной любви принимала за чистую монету. Разве можно изменять, если сказаны слова: «ты моя единственная», «мы вместе навсегда», «я буду любить тебя вечно». Она ещё не знала, что в слова «всегда, никогда, вечно, единственная» мужчины и женщины вкладывают разный смысл.... Нравится кофе? – вдруг спросила Ольга.

– Да...

– Наготовила вчера котёл картошки с мясом и грибами. Русские вкусы к еде непобедимы и неискоренимы. Хочешь?

– Нет, спасибо. С удовольствием пью кофе и слушаю тебя... Что было дальше с девочкой Олей?

– Что было... – повторила Ольга. – Вышла замуж, как все. Первый муж, однокурсник, оценил вечность в два года. После рождения дочери он потерял интерес к семье и, не стесняясь, завёл роман на стороне. Ольга пережила первое крушение своих надежд, измену не простила и осталась одна с ребенком. Потом встретила другого. Он был ученый, биолог, и полностью разделял ее взгляды на брак. Рассказывал, как у него дома жили рыбки, самец и самка. Когда самка заболела и умерла, самец выбросился из аквариума на стол. Даже рыбки верны, которых человек считает примитивными созданиями, – говорил он. А мы-то, существа, наделенные высшим разумом и чувствами! Снова поверила. Вышла замуж. Примеров верности из животного мира хватило на пять лет. Лаборантка носила слишком короткие юбки и любила рассказывать о своих победах подругам. Оля прекратила второй брак, решив, что с нее хватит. Но время, как известно, лечит, а человек, особенно женщина не может жить без надежды. Появился мужчина. Талант, обаяние, красивые ухаживания. Говорил, что нагулялся, что хочет стабильности и тепла. Поверила снова в «единственную» и «навсегда». Вышла замуж.

Ольга держала в длинных пальцах наполовину сгоревшую сигарету, готовую осыпаться серым снегом.

– Дай пепельницу плиз, за тобой, – попросила она.

Я подставила под серый снег медную тарелочку.

– С третьим мужем и приехали в Израиль, – вернулась Ольга в себя из девочки Оли, словно стрясла ее вместе с пеплом. – В страну, где хорошо знают, что такое «вечность». У него здесь сразу появились проекты, он довольно известный архитектор. У меня работы сначала не было, кроме мелких заказов, но жили... А потом... Творческие люди не могут без вдохновения, у них начинается творческий запор. Они легко совмещают слово «единственная» и частую смену муз. А муза, знаешь, не приносит вдохновения, если с ней не спать. А я – сильная и сама справлюсь. Вот так... Потом встретила Мишу...

– С Мишей по-другому?

Ольга посмотрела на меня светло-кариими глазами, установила на постаменте загорелого локтя золотую чашку, качнула вздохом цветы платья.

– Мы только год вместе, – проговорила она. – Зарабатываю я. Если что-то узнаю, все закончится. Он это знает. А идти ему некуда. Бывшая жена с ребёнком не от него и новым мужем, больше у него никого здесь. Жесткие рамки – единственное условие для мужской верности. Инь-янь только в клетке держится. Вот какой вывод я сделала из опыта всей моей жизни. Только один... А ты?

– Я?

– Ну да. Каждая из нас делает какие-то выводы. Так ведь?

– Да... И я, пожалуй, только один, – призналась я.

– Какой?

– Всю жизнь пыталась понять мужчин, но это как идти к горизонту. Вывод из всего своего опыта сделала вот какой: хочешь понимать мужчину, живи всю жизнь с одним. Ты выучишь его привычки и вкусы, запомнишь, что на чашку с цветком он кладет четыре ложки сахара, а на чашку со знаком зодиака – пять, что он любит котлеты с корочкой, а капусту в шах – мягкую. На одном и том же месте фильма он скажет одно и то же и забудет фамилию одного и того же актёра. Он обязательно спросит, какой из двух похожих джемперов надеть в гости, а после секса одинаково скажет: «Ты у меня самая замечательная». Почему-то именно это слово. Гулять он, конечно, будет (он же мужчина!), но тихо, ибо ценит комфорт и удобство, которые ему даёшь ты. Трещины твоих подозрений заполируются наждачной бумагой повседневности и затянутся мантрой одинаковых слов. И тебе будет казаться, что ты понимаешь мужчину. Эта видимость даст спокойствие и уверенность. Так задумано – одна женщина и один мужчина создают друг у друга иллюзию гармонии. Чем больше в твоей жизни мужчин, тем глубже пропасть непонимания и дальше горизонт. Это дьявольская игра. Не зря же во всех священных книгах настоятельно рекомендована формула один плюс один. Начинаешь бряцать женственностью перед многими – получаешь войну... Хорошо сказала?

– Хорошо! – засмеялась Ольга. – Журналист это диагноз. Но фотограф не лучше. Особенно эротический фотограф.

– Ты стала эротическим фотографом после того снимка?

– Да. Сделала серию работ, показала приятелю, он показал в журнале, взяли, заказали еще, и покатило. Потом появились частные клиенты. Эротическая фотография особый жанр. Она подчиняется только тому, кто способен полностью отдаться ей, как в любви... С тех пор, как я начала этим заниматься, вся моя жизнь изменилась. Появились деньги, мужчина... муж, я нашла себя. Моя жизнь обрела смысл.

– А эти портреты на стенах? Из прошлой жизни?

– Нет, я делаю и то и другое. Но в эротической фотографии для меня чистый дух искусства, который изменить не может, ибо он свят! И разве есть что-то более близкое словам «всегда» и «вечно», чем пойманный объективом миг желания, жизни...

Ольгины глаза зажглись медовым светом откуда-то из глубины. Я засмотрелась на нее. Она откровенно улыбнулась.

– Интересно, наверно, работать с разными людьми? – смутилась я. – А как это обычно происходит?

– Обычно... – пожала она плечами. – Люди приходят, садимся, разговариваем, пьем кофе, коньяк, выясняем потихоньку, как он или она или они видят себя, что хотят получить в результате. Когда возникает понимание и нужный настрой, начинаем съёмку. Иногда люди сразу знают, что хотят.

– Кто эти люди?

– Самые разные. Поначалу трудно было «держать лицо» при виде приличных мужчин и женщин, заказывающих эротическую фотосессию для себя любимых. Сейчас уже ничему не удивляюсь. Недавно был религиозный. Честно говоря, снова растерялась. Пришлось поста-

раться увидеть в нём просто мужчину. Когда он сказал: «Я вижу себя собакой. Надень на меня ошейник», я ответила: «Какая же ты собака! Ты лев! Встань на четвереньки и открой пасть!» – засмеялась Ольга. – С ним было легко работать, религиозный подход: «не задавай вопросов, делай, не думая» – оказался плюсом для эротической съемки. Другой тут недавно, солидный такой, заявил: «Хочу быть в женском белье!». Ну, окей, желание не новое. Принёс с собой трусы и лифчик своей матушки и, краснея, влез в это во всё. Пришлось уговаривать, что парашюты пятьдесят второго размера и грация для дам за восемьдесят килограмм не красят мужчину на фотографии.

– Прикольно, – улыбнулась я.

Ольга подошла к монитору и развернула его ко мне.

– Посмотри. Вот еще один экземпляр. Чиновник, в муниципалитете работает.

На экране монитора полноватый мужчина в рыцарских доспехах, уже знакомых по бардачной комнате, с энтузиазмом и эрегированным членом, слегка прикрытым тканью, изображал возбудившегося рыцаря.

– Эрекция – это нормально на съемках? – спросила я.

– Да, инструмент встает. Но он всегда прикрыт.

– Почему ты называешь член инструментом?

– Не хочу делать ненужных акцентов, наверно...

– А религиозный здесь у тебя?

– Конечно. Где ж ему быть... сейчас... – она подвигала мышью. – Без лица могу показать.

Ягодицы с пропущенным между ними хвостом почти не отличались от львиных. Послушный прогиб поясницы и жилистые ноги дополняли картину «раввин в саване» или «царь зверей принимает иудаизм».

– Всегда хотела большой стол, за которым собиралась бы большая семья и кованую люстру над ним... Люстра есть, хоть и не включается, но под ней вот рабочий стол Макинтоша и фотографии, фотографии, фотографии, – произнесла Ольга то ли с гордостью, то ли с жалобой, подхваченной игриво-жалостливой арабской мелодией её мобильного телефона.

– Да! – ответила она с профессиональной улыбкой. – Да, да, узкая улица, всё правильно! Дверь с угла, да. Нет, обойдите слева, на моей бронзовый лев! Не дергать! Там звонок! – объясняла он, показывая мне рукой круг, по которому я должна успеть добежать до ширмы. – Давай, они уже здесь! – продублировала она жест, окончив разговор.

Я быстро прошла в студию и расположилась за ширмой – светской дамой в кружевах, уже освоившейся в белой операционной. Подтащив под себя коробку, села ждать. Кружево пахло шафраном. Послышался отдаленный хлопок входной двери, лай собак, голоса, смех, запах мужского парфюма, вскоре появившийся в студии. Кружево старой ширмы кружило с

людьми, дорисовывая их по-своему. Широкоплечий мужчина был увит муаровым плющом, а его более женственный друг весь пошел черными орхидеями. Ольга перевоплотилась в колдунью, темную от зловещих идей. Мое любопытство прильнуло к вкусному кружеву.

Крепкого и широкоплечего звали Алекс, его друга – Роман. Болтая и смеясь, мужчины разделись. Новые кружевные прожилки проросли на их лицах и телах в самых неожиданных местах. Колдунья командовала: «Ближе», «На меня!», «Алекс, убери руку!», «Попой!» «Спиной!» «Член!» «Целуйтесь!» «Так, отлично!»...

Гипюровые цветы увеличивались в пестиках и расплывались перед глазами. Видимость ухудшилась. Я переместилась чуть в сторону, случайно задев ногой ширму. Она шаркнула по полу маленькой деревянной ножкой. Сердце упало туда, где и без него уже все пульсировало...

– Что это за звук? – спросил Алекс и посмотрел прямо на меня.

– Какой?

– Вот сейчас был оттуда.

– А, это ширма сместилась, – нашлась Ольга. – Там пол кривой. Дому-то уж сколько!

Она включила музыку. Зазвучал Джордж Майкл.

– Это расслабит, – произнесла хозяйка.

– Да мы не напрягаемся, – ответил Алекс, и мужчины засмеялись.

Я отошла вглубь своего кружевного укрытия с неустойчивой психикой и ногами, чтобы успокоить колотившиеся органы. В узоре ширмы проявилось лицо – сетчатые глаза, стебель носа, лепестки-уши и растянутый в растительной ухмылке рот. Здравствуйте! Я старалась снова увидеть в гипюровом лице цветок, но наглая рожа не желала убираться обратно в растительный мир. Стоит один раз разглядеть в чём-нибудь рожу, и она ни за что не захочет возвращаться в орнамент, в разводы грязи или в ветви деревьев. Все, родилась на свет новая рожа. Не сотрёшь...

– Минуту перекурите, ребят, мне нужно подготовить кое-что, – произнесла Ольга.

Встав на лестницу, она подвесила к потолку алюминиевый обруч и задрапировала его белой органзой, быстро, словно по волшебству. Голос Джорджа Майкла вторил мужскому смеху и ничего не значащим фразам, которыми перекидывались Алекс и Роман, с полуслова понимая друг друга.

– Ты помнишь его? – спросил Алекс.

– Ну конечно, – ответил Роман. – Ему бы надо туда...

– А тот? – засмеялся Алекс.

– Да не, не о чём, – помотал головой Роман.

– Ну, согласен. А потом-то? Да?

– Потом да, нарядно...

– Мне надо, чтобы вы встали сюда! – деловито сказала Ольга.

– И что это? – спросил Алекс.

– Это хупа.

– Вот это да! Супер! – они рассмеялись и, голые, стали целоваться под «хупой».

Ольга щелкала затвором камеры, выпуская в молодоженов обоймы фото патронов, потом замахала руками:

– Так стоп, стоп! У нас свадьба!

Мужчины обернулись щека к щеке как танцующая пасодобль пара. Алекс сделал шаг назад, опустился на одно колено перед возлюбленным, припал губами к его руке.

– Я тебя обожаю! – засмеялся Роман.

– И без смеха! А то жениться перестану! – строго произнес Алекс, но строгость далась ему с трудом.

Я смотрела на их муаровую любовь, удивляясь тому, что они шутят и смеются. Почему-то я не предполагала этой способности у людей этой ориентации...

– Так! Сосредоточились, ребят! – нежно сказала Ольга. – Хупа у нас понарошку, а искусство настоящее!

Их лица посерьезнели.

Ольга смягчила свет, оставив подсветку сбоку и снизу. Световой туман мягко окутал обнаженные фигуры, складки органзы, тень Ольги, мелькающую вокруг влюбленной пары и Джорджа Майкла, шепчущего свои заклинания...

Алекс провел губами по члену «жены» и красиво поднялся. Мужественность, накаченное тело, непослушные кудри и послушное, всегда готовое возбуждение... Мужчины целовались. Я забыла, что у меня затекли ноги. Незамеченная за слоями реальности из органзы, смущённого света, шепота, кружева ширмы, я помогала себе рукой. Сердце окончательно переселилось туда, где и без него было тесно...

– Ребята! Вечную любовь я могу снимать вечно! – наконец напомнила Ольга, – но тайм из мани!

– Да, да, всё, – с хрипотцой отозвался Алекс. – Где у тебя туалет, Оль?

– Ребят, не здесь! Все понимаю, но муж дома.

– Кто дома? – серьёзно переспросил Роман.

– Муж! – громко сказала Ольга. – Давайте, заканчивайте...

Она вышла из студии, деликатно приглушив свет и прикрыв дверь.

Учащенное дыхание, шепот попеременно с поцелуями и стонами можно было принять за возню обычной влюблённой пары, если бы не силуэты двух мужчин... Потом я услышала знакомую последовательность звуков в обратном порядке: удаляющиеся голоса и шаги, Ольгин и мужской смех, хлопок входной двери.

Джордж Майкл шептал мелодию лично мне и покачивающейся на сквозняке органзе хупы. Ей чувственной...

– Выходи, затворница, – заглянула улыбающаяся Ольга. – Ну, как тебе шоу с лентами?

– Я возбудилась, – призналась я. – А тебе как работалось?

– Я, честно говоря, забыла, что ты там. Только когда ширма сдвинулась, вспомнила. Ну, ничего, обошлось.

– Покажешь, что получилось?

– Да, сейчас на комп скину.

На экране Макинтоша сменялись кадры прожитой час назад жизни. Мужчины целуются, ласкают друг друга, не стесняясь, с любовью и откровенным желанием смотрят друг на друга. Их члены касаются, словно головы влюбленных на первом свидании, ничем не сдерживаемые, кроме легкой органзы.

– Красиво получилось, – оценила я.

– Они всё делали сами, им было в кайф. Это лучше всего для работы! – проговорила Ольга, глядя в монитор.

– Мне нравится, что члены прикрыты, но видны. Двойная эрекция заводит. Алекс – чудо! Жаль, что потерян для гетеросексуального общества.

Ольга улыбнулась своим мыслям.

– Инструмент всегда встает. Примитивная реакция. Я стараюсь это обыгрывать. Откровенно животный контекст упрощает идею. Алекс? Он, кстати, отличный гид, водит экскурсии по Иерусалиму. Ты можешь ему позвонить, я дам телефон, если хочешь.

– Хочу...

Мы досмотрели фотографии, выпили еще из кофейника и бутылки, разделённых столетиями...

Спустился усталый Миша.

– Я закончил. Ну, как вы тут, девчонки, наболтались? – равнодушно спросил он.

– Соскучились по тебе, – так же равнодушно ответила Ольга.

– Я бы чего-нибудь съел, – сказал муж.

– Картошка с грибами в красной кастрюле.

– Ага, понял, – кивнул Миша и ушел.

– Ужин заслужил, – улыбнулась Ольга, проводив глазами мужа.

– А у женщин какая реакция на съемках? – продолжила я прерванную тему.

– Разная, но не такая примитивная. Все тоньше, изящней.

Ольга взглянула на меня впитавшими фотосексуальность глазами.

– Останешься с нами на ночь?

– С вами...?

– Да. Мы любим втроём. Тебе понравится. Муж хорош в постели, – сдержанно произнесла хозяйка.

– Да я с удовольствием... Но меня уже ждут мои, я обещала... мы завтра с утра должны были... ну, в общем, не очень удобно сегодня... – промямлила я. – Давай в следующий раз?

– Хорошо, наш телефон у тебя есть, – ласково улыбнулась Ольга и провела большим пальцем по соску, проступившему сквозь цветок платья.

Возвращаясь в такси по рвущемуся в небо, словно эрегированному ночному Тель-Авиву, я размышляла, почему не осталась с красивой Ольгой и её мужем, который «хорош в постели». Сначала польстила себе мыслью, что природная честность не позволила проехаться на чужой сексуальности, потом призналась себе, что виной банальный эгоизм. Я предпочитаю все своё – зубную щетку, желание, тапочки, мужчину... Желание увидеть Алекса и побывать с экскурсией в Иерусалиме – было моим собственным, и с утра я набрала его номер.

«Вы едете не просто в город. Иерусалим – город живой! Город, принадлежащий всем и не принадлежащий никому. Город, визит в который для каждого вашего предка был бы величайшим праздником его земной жизни. Кем бы ни был Ваш предок, – христианином, иудеем или мусульманином. Почему Иерусалим? Почему Иерусалим должен был стать сценой Распятия, Смерти, Захоронения, Воскресения и Вознесения Христова.

Почему Иерусалим должен был стать сценой Вознесения Мухаммада на седьмое небо для получения главной Книги Ислама – Эль-Коран. Почему за тысячу лет до распятия Христова и за полторы тысячи лет до вознесения Мухаммада великий царь Давид, сняв с себя все одежды царские, ликуя и танцуя пред всем народом, вносит в этот град главный атрибут договора меж человеком и Богом – Ковчег завета. Почему Вам необходимо попасть в Иерусалим? Как для Вас он может стать тем же, чем он был для каждого Вашего предка? Обо всём этом, в абсо-

лютом понимании ответственности пред Вами, визитером этого града и пред самим Градом Иерусалимом мы и будем говорить...» – начал экскурсию загорелый накаченный мужчина в белой одежде и широкополой шляпе, отдаленно напоминающий Алекса.

Голос, парфюм, поворот головы, волосы – его, но лицо – не его, – одухотворённое и сосредоточенное – лицо дирижера во время ответственного концерта. С таким лицом не позируют голым...

Фотообраз Алекса преследовал меня всю экскурсию. В белых складках одежды мне виделись складки органзы, декорирующей смуглый эрегированный член. Я старалась отводить глаза, но взгляд сам прилипал то к его лицу, то к паху...

«... как Иерусалим принадлежит всем религиям и всем людям, так и Иисус – сын божий, просто человек в самом истинном значении этого слова. Есть старый анекдот. Три утверждения о том, что Иисус был евреем: Он продолжил бизнес отца. Он до тридцати трех лет жил дома с родителями. Он был убежден, что его мама была девой, а его мама была уверена, что её сын – Бог. Три утверждения о том, что Иисус был русским: Он никогда не ходил в церковь, но считал себя истинно верующим. У него не было квартиры и машины, но всегда хватало денег на спиртное. Выпив в компании друзей, он любил рассуждать о смысле жизни. Три утверждения о том, что Иисус был негром: Он каждого называл братом. У него не было постоянного места жительства. Никто не брал его на работу! – Алекс подождал, пока в группе стихнет смех. – Иисус сын божий! Просто человек в самом истинном значении этого слова! Кто чувствует себя человеком, готовым к принятию не только духовной, но и обычной вкусной пищи, отведу в арабский ресторанчик и договорюсь о скидках! Всем остальным – спасибо за внимание! Наша экскурсия окончена!»

– Я готова к принятию вкусной пищи! – выступила я вперед.

– Пойдёмте, – улыбнулся Алекс знакомой улыбкой.

– Вы потрясающий гид! Не хочется с Вами расставаться! – лепила я по пути в ресторан, стараясь быть ближе, чем остальные голодные члены экскурсионной группы.

– Спасибо, – устало ответил Алекс.

– У меня было ощущение, что Вы водите не группу по городу, а друзей по своему дому, – гуще намазывала я, чтобы привлечь его внимание.

– Благодарю, мне приятно, – скромно ответил он, – но я лишь ученик своего учителя.

– Это Вы о ком? О менеджере по формообразованию древесных пород в крупной компании, принадлежащей его Отцу, из Назарета? Как в анекдоте?

Алекс внимательно посмотрел на меня из-за широкополой мягкой шляпы, словно впервые заметив.

– Я не настолько грешен...

– То есть?

– Маленький человек, который, читая Библию, плачет над своими мелкими грешками, не осознает своего главного греха – Гордыни. Так говорил мой учитель.

– Кто он, Ваш учитель?

– Великий человек! Он разгоняет тучи над местом Нагорной Проповеди, для него колокольный звон в Церкви двенадцати апостолов в Капернауме. И он заслужил это.

– Так кто же он?

– Он лучший гид по Иерусалиму из всех, какие только существуют! Это он научил не бежать мимо арабского квартала, как другие, а передвигаться по городу свободно и ощущать его самой спокойной точкой в Израиле. «Если ты войдешь в Иерусалим большим, то и выйдешь большим, а если войдешь маленьким, то выйдешь великим», «Когда ты едешь во Францию, ты едешь к французам, когда ты едешь в Италию, ты едешь к итальянцам, когда ты едешь в Израиль, – ты едешь к себе...» Его слова. Его зовут Алик.

– А мне понравилось, как Вы ведете экскурсию. С таким знанием, с такой любовью...

– Без любви вообще ничего делать не стоит. Не имеет смысла, – серьезно произнес он.

В арабском ресторанчике он обнялся с официантом, и что-то сказал ему, дружески похлопав по спине.

– Я заказал для вас настоящую кабсу. Не пробовали?

– Нет, а что это?

– Арабское блюдо из риса и мяса, родиной которого считается Саудовская Аравия. В основном за вкус этого блюда отвечают специи. Обычно в неё кладут черный перец, гвоздику, кардамон, шафран, корицу, мускатный орех, и, конечно, мясо, подготовленное особым образом. Кроме этого, добавляют изюм, миндаль, кедровые орешки. Фактически кабса тот же плов, но Вы ощутите, насколько это не плов!

– Вкусно рассказали...

Он улыбнулся.

– Здесь его готовят, как положено.

Мы сели рядом. Он достал из сумки ноутбук. На рабочем столе открылась фотография – две мужские фигуры под хупой в тумане полупрозрачной ткани, которые я мгновенно узнала. Самый безобидный снимок из всех.

Я осторожно заглянула.

– Красивое фото. Это ваш друг?

Алекс настороженно глянул на меня.

– Любовь всегда видно и это необыкновенно красиво! Самое красивое, что есть на свете! – с чувством произнесла я.

Он посмотрел с любопытством.

– Вы думаете?

– Не думаю, вижу.

– Да, это так, – кивнул Алекс.

– Я могу задать вам сложный вопрос, Алекс?

– Сложный? Хм, – хмыкнул он. – Ну, задайте...

– Как ваша не совсем традиционная ориентация сочетается с религией, к которой вы так близки?

Он покачал серьёзной головой.

– Это не сложный вопрос для меня. Я верю в бога, но не в религию. Этот город и эту страну создали люди, которые верили в то, что ОН в них верит.

Свет бога в душе, религия – тьма! Лучшая молитва – «Спасибо, господи!» – так говорил мой учитель. А по поводу нетрадиционности чего бы то ни было – не суди о другом ни хорошо, ни плохо. Будешь тридцать секунд о нем говорить и тридцать раз ошибешься. Это тоже его слова. Счастье это гармония с собой и миром...

За день до отлёта я бегала по городу в мыслях о сувенирах, которые надо купить и дождях, которые ждут дома. Вокруг было яркое солнце, синее небо, белые холсты камней, живые краски неопознанных цветов и растений, прильнувших к своим капельницам, чьи синие змеи грелись в горячем песке. Тель-авивская улица благодарила небо за рай на земле, а я – за то, что уже совсем скоро разберусь со злокачественной литературной опухолью...

– О! Приветствую! – знакомый голос заставил поднять голову.

Белый балахон, чалма, темные очки, сумка через плечо, небритая улыбка – Алекс!

– Ой! Здравсьте! – обрадовалась я.

– Какими судьбами?

– Гуляю по магазинам. Завтра домой. А Вы?

– Я по делам. Гуляю я на работе, – засмеялся он. – Здесь недалеко, в Яффе, живет одна хорошая фотографиня, русская, как ни странно.

– Почему как ни странно?

Алекс улыбнулся.

– Ну, потому что каждая нация сильна чем-то одним. Немцы – техникой, евреи – творчеством, русские – душевными терзаниями. А фотография это творчество, во-первых, техника, во-вторых, и только в-третьих – терзания. Так ведь?

– Да, – согласилась я. – А как ваш друг?

– Друг? Откуда вы зна... а, ну да... – он почесал лоб под чалмой загорелым пальцем. – Да нормально. Все хорошо. У нас с ним полный инь-янь! – он заулыбался, протянув руку для прощания. – Мне пора. Если вашим знакомым нужна экскурсия по святым местам, звоните в любое время дня и ночи! Да, и если нужен хороший фотограф, тоже обращайтесь, познакомлю! Рад был увидеться!

– Я тоже. И привет инь-яню!

– Спасибо! Обязательно передам! – засмеялся он так, как смеются только очень счастливые люди...

Вечером я позвонила Ольге, чтобы поблагодарить и попрощаться. Телефон взял Миша.

– Она в студии, работает с клиентом, не может подойти. Что ей передать?

– Нет, ничего, я позвоню в другой раз. Или напишу.

– Конечно, пожалуйста, – любезно ответил голос.

– Миша, а Вы нашли свой инь-янь?

– Что, простите?

– Вы нашли гармонию с собой и миром?

– Я ничего не терял, – хмыкнул голос. – Всего хорошего!

Таблетки от сердца

На месте её любимого чая прорыт туннель. Ей приходится тянуться рукой в самый его конец, за последней пачкой.

«Всем нужно то же, что и мне! Как же это раздражает! – возмущённо бубнит она. – Вот же, рядом, чёрный, зелёный, белый, хоть полосатый! Так нет! Всем подавай мой чай! И почему продавцы именно в этом, ближайшем к дому супермаркете, никогда не шевелятся? Кончается товар – значит, надо быстренько принести еще! Пожилой человек не должен испытывать неудобства!»

Она кладет добытую пачку в корзину и размышляет сама с собой: «Надо будет ко дню рождения сделать запас, а то, как всегда – когда надо, тогда и не будет! Приедет сын с невесткой, внучка. Как же без любимого чая! Это ведь не простой день рождения, шестьдесят пять...»

От неловкого движения заломило под лопаткой, а от возмущения заболело сердце. Сердце все чаще беспокоит её. То оно вдруг колотится, сотрясая всё тело, то останавливается, словно что-то вспомнив, и она судорожно ищет пульс, то мучает противная тянущая боль. В её сумочке всегда есть таблетки от сердца, но сейчас она выскочила за чаем и сумочку не взяла...

Она оглядывается в поисках места, где бы можно было присесть. Увидев подставку, на которую встают, чтобы достать верхние полки, идёт к ней, осторожно опускается, ослабив на шее жёлтую косынку.

Напротив нее, колени в колени сидит запыхавшаяся пожилая женщина в жёлтом платке на шее. Она не сразу понимает, что это она сама и есть, и что смотрит в зеркало, которыми отделаны колонны магазина для зрительного расширения торгового пространства. Странно, но раньше она не находила себя в этих зеркалах. Точнее, не искала. С некоторых пор она перестала дружить со своим отражением. Дома зеркало только в ванной, маленькое, в размер лица. Были раньше во весь рост, в шкафу, но она заменила их темными стеклами. Не хочется верить, что эта почти старуха и есть она....

Сейчас ей некуда деться от своего отражения. Выбившиеся седые волосы, сутулые плечи, глаза без макияжа, морщины возле губ, отёкшие колени, стоптанные туфли. Ужас... Надо покраситься. И к косметичке записаться. И купить новые туфли. Тем более день рождения... Нельзя себя так запускать!

Боль под лопаткой стихает, сердцебиение нормализуется, вроде обошлось.

«Ну чего, бабка? Купила чай? Чуть не кончилась. Молодец. Вставай, иди домой, заваривай!» – с деланой бодростью говорит она себе и через силу улыбается зеркалу. Но не встаёт, а продолжает сидеть, глядя на отражённые полки с продуктами и покупателей с тележками. Мир «потустороннего» зеркального супермаркета как настоящий, лишь немного темнее. От времени или от однообразия того, что в нем отражается.

В затемнённом мире растерянно блуждает высокий мужчина в пальто. Лет сорока пяти, слегка выющиеся волосы, длинная чёлка, разложенная прямым пробором, серьга в ухе. Не местный. У них так не одеваются и так не стригутся. Он вертит в руках коробку, читает. Наклонившись, ставит в тележку. Чёлка падает на лоб. Плавным движением правой руки он убирает её со лба, и волосы вновь послушно ложатся на свои места.

Этот жест... и этот поворот головы... и глаза...

Рон! Рон! Рон! Рон! – выталкивает сердце его имя. Не может быть... Прошло тридцать лет... Но это он! Рон... Хорошо, что она сидит. Чувство самосохранения захлёбывается волной других, давно забытых чувств.

Рон – её бывший ученик. Он готовился поступать в Медицинскую Академию, она занималась с ним химией. У его родителей необычная история знакомства. Отец – армянин, советский дипломат, работал в Лиссабоне, а мать – португалка, зашла в посольство. Рон сам рассказывал. Ему было шестнадцать. Он сразу показался ей особенным. Взгляд такой взрослый и такой мужской. Так не смотрят мальчики в шестнадцать лет. А она была беременна своим сыном, которому сейчас уже тридцать. Как это всё было давно... А такие помнятся подробности... Даже этот жест, как он рукой убирает со лба чёлку... И чувства, оказывается, никуда не деваются, и время не лечит...

Она боится оторвать взгляд от зеркала и не увидеть ЕГО в реальности, словно он существует только в зеркальном мире. Но он чувствует взгляд и поворачивает голову сам.

Запыхавшаяся пожилая дама в желтом платке вокруг шеи странно смотрит на него, сидя на подставке, с которой достают товар с верхних полок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.